

БИБЛИОТЕЧКА
« НА СТРАЖЕ
ЗАКОНА »

КОГДА НАСТУПАЕТ РАСПЛАТА

КОГДА НАСТУПАЕТ РАСПЛАТА

87.717.71
К57

Авторы этого сборника — ленинградские писатели и журналисты — пишут о неотвратимости наказания за различные злоупотребления, которые еще допускают некоторые граждане. Читатели познакомятся с работой следователя, над, казалось бы, простым делом, узнают об опыте правовой пропаганды на предприятиях Василеостровского района Ленинграда, задумаются над тем, к чему приводит бесконтрольное обучение каратэ.

Составители
В. А. Беляков,
М. Е. Скрябин

КОМПЛЕКСНЫЙ ПОДХОД

Из опыта работы по предупреждению правонарушений и правовому воспитанию трудящихся

Широкая пропаганда правовых норм, умелое использование юридических средств во всех сферах нашей жизни, своевременная профилактика правонарушений имеют важное значение на современном этапе коммунистического строительства. Принципиальное положение В. И. Ленина о том, что «мы должны во что бы то ни стало сначала убедить, а потом принудить», получило свое творческое развитие и применение в научно-практической деятельности КПСС.

За последние годы в Ленинградской партийной организации, в том числе в Василеостровском районе, накоплен определенный опыт организации работы по правовому воспитанию трудящихся и населения по месту жительства. Как показывает практика этой работы, положительные результаты достигаются только там, где обеспечены целеустремленность, комплексный подход и единство действий партийных, хозяйственных, правоохранительных органов и широкой общественности. На основе тесного взаимодействия правоохранительных органов, райисполкома, администрации, партийных, профсоюзных и комсомольских организаций, общественных формирований в районе проводится большая работа по пропаганде правовых знаний, правовому обучению партийного, хозяйственного актива и общественности, укреплению производственной, плановой и трудовой дисциплины, общественного порядка, усилению борьбы с пьянством и алкоголизмом, туеядством, разбазариванием народного добра и другими антиобщественными проявлениями.

Работа всей системы и отдельных ее звеньев требует четкой согласованности и единства действий всех элементов, которые обеспечиваются постоянным руководством и координацией общих усилий со стороны районного комитета партии.

Василеостровский район, имеющий славную революционную и трудовую историю, — один из крупных промыш-

ленных и научных центров Ленинграда. Здесь расположены промышленные предприятия, учебные заведения, научно-исследовательские институты, строительные и транспортные организации. Райком партии строит свою работу по правовому воспитанию и профилактике правонарушений с учетом этой специфики и исходя из плана комплексного экономического и социального развития района.

Решения ноябрьского (1982 г.) Пленума ЦК КПСС, направленные на укрепление трудовой дисциплины и общественного порядка, позволили районному комитету партии критически проанализировать свою работу в этом направлении, четче обозначить цели, стали новым стимулом, программой для дальнейшего ее совершенствования. Так, за последнее время на пленумах и заседаниях бюро райкома КПСС были рассмотрены и всесторонне проанализированы вопросы работы правоохранительных органов, администрации и парткомов ряда предприятий и организаций по укреплению дисциплины и общественного порядка в трудовых коллективах, борьбы с хищениями, взяточничеством и спекуляцией, с тунеядством. Принятые постановления, развернувшаяся работа по их выполнению позволили партийным организациям успешнее решать проблемы профилактики правонарушений, укрепления трудовой дисциплины и общественного порядка.

В результате взаимодействие правоохранительных органов района как между собой, так и с широкой общественностью стало более тесным, что дало положительные результаты по предотвращению антиобщественных явлений.

Основным направлением в правовом воспитании и профилактике правонарушений стала работа в трудовых коллективах, так как именно там решается проблема комплексного подхода к постановке всего дела воспитания.

Вот, например, единые политдни. Все больше и больше места находят при их планировании вопросы правового воспитания, разъяснения трудящимся постановлений партии и правительства по вопросам дальнейшего укрепления социалистической законности, трудовой дисциплины, усиления борьбы с преступностью, устранения причин, ее порождающих. В группу докладчиков РК КПСС включены руководители прокуратуры, суда и милиции.

Продолжается процесс совершенствования форм и методов правовой пропаганды. Мы привлекаем к этой важной работе и юристов-практиков, и ученых-правоведов из ЛГУ имени А. А. Жданова. В районе действует пять университетов правовых знаний. Их слушателями являются члены ДНД, народные судьи и народные заседатели, хо-

зяйственные руководители, активисты широкой общественности. Лекции по правовым вопросам читаются непосредственно в цехах предприятий и по месту жительства. Кабинетом политпросвещения района организован семинар комсомольских пропагандистов школ общественно-политических знаний по курсу «Основы правовых знаний».

Большая роль в деле правового воспитания, укрепления трудовой и общественной дисциплины, профилактики правонарушений принадлежит многотиражным газетам и местному радиовещанию. На страницах газет и в радиопередачах регулярно даются юридические консультации по различным вопросам, которые интересуют трудящихся. Во всех многотиражных газетах введены рубрики «Нарушителям — бой!», «За дисциплину в ответе», «Алкоголизм — наш злейший враг» и т. д. Работники редакций газет и радиовещания принимают активное участие в днях дисциплины и рейдах, проводимых на предприятиях, материалы которых оперативно доводятся до всех членов трудовых коллективов.

В райкоме КПСС для осуществления контроля за состоянием трудовой и общественной дисциплины организована система учета нарушений: по предприятиям, по категориям нарушений, по стажу работы, партийности и возрасту нарушителей, по характеру мер общественного и дисциплинарного воздействия на них.

Эти данные регулярно анализируются и учитываются при подведении итогов социалистического соревнования, определении размеров материального поощрения. Такой контроль позволяет нам своевременно увидеть слабые места в воспитательной работе в трудовых коллективах, оперативно влиять на отстающие звенья.

С итогами анализа состояния трудовой дисциплины и общественного порядка в районе и на каждом предприятии знакомятся хозяйственные руководители, партийный, профсоюзный и комсомольский актив, идеологические кадры — пропагандисты, политинформаторы, агитаторы, наставники.

Решением бюро райкома партии Балтийский завод имени Серго Орджоникидзе определен в районе как базовое предприятие по накоплению положительного опыта работы в укреплении дисциплины труда и общественного порядка. В коллективе проводится целенаправленная работа по дальнейшему повышению дисциплины не только с теми, кто уже трудится на производстве, но и с теми, кто в ближайшем будущем вольется в трудовую семью балтийцев из школ и ПТУ. На каждый год составляется план совмест-

ной деятельности администрации, партийной, профсоюзной и комсомольской организаций, который охватывает практически все формы и методы воспитания членов коллектива. Особое внимание уделяется индивидуальным формам воспитания в трудовых и учебных коллективах и по месту жительства. Это особенно важно, так как почти половина молодых рабочих завода проживает в общежитиях.

Партийная организация завода широко использует такие формы, как дни трудовой дисциплины, беседы о революционных, боевых и трудовых традициях, единые политдни, наставничество, рабочие собрания, моральное и материальное стимулирование. Заметную роль в укреплении трудовой дисциплины и общественного порядка, в борьбе с пьянством и алкоголизмом на заводе играют советы профилактики правонарушений, созданные во всех подразделениях. Деятельность цеховых советов координируется заводским советом профилактики, в состав которого входят представители администрации, партийного, профсоюзного и комсомольского комитетов, наставники, передовые рабочие.

В результате целенаправленно проводимой работы на заводе установилась устойчивая тенденция к снижению числа нарушений трудовой дисциплины и общественного порядка. За последние пять лет их общее количество сократилось на 30 процентов, более чем вдвое снизились потери рабочего времени от прогулов.

Советы профилактики правонарушений созданы и успешно действуют на 27 предприятиях района.

Важнейшее значение для профилактики правонарушений имеет широко развернувшаяся в Ленинграде борьба с лицами, ведущими антиобщественный, паразитический образ жизни. В Василеостровском районе эта работа направляется и координируется комиссией по борьбе с тунеядцами, созданной при райкоме КПСС, которую возглавляет первый секретарь райкома. На ежемесячных заседаниях анализируется состояние борьбы с тунеядством в районе, эффективность деятельности правоохранительных органов, обобщается опыт трудоустройства и перевоспитания лиц, уклоняющихся от общественно полезного труда, контролируется выполнение требований партии и правительства по усилению этой работы.

Решением исполкома утверждены предприятия, куда направляются для трудоустройства лица, прибывшие из мест лишения свободы или уклоняющиеся от общественно полезного труда. За каждым из этих предприятий закреплены сотрудники профилактической службы милиции, про-

куратуры, члены наблюдательной комиссии исполкома райсовета, инспектор по трудоустройству, которые оказывают постоянную помощь советам профилактики в проведении воспитательной работы с трудоустроенными.

В последнее время постоянно совершенствуется работа по трудоустройству неработающих лиц и закреплению их в коллективах. Существенно сократилось число необоснованных отказов в приеме на работу тунеядствующих элементов. Случаев отказа в приеме на работу лицам, направленным исполкомом, как правило, не бывает.

В результате сокращается общее число неработающих, ими совершается меньше преступлений.

Мероприятия по укреплению дисциплины, усилению борьбы с пьянством находят конкретное отражение в планах экономического и социального развития коллективов. Практика показывает, что там, где партийные, общественные организации, хозяйственное руководство серьезно задумываются над тем, как поднять интерес к работе, чтобы закрепить кадры и повысить уровень дисциплины, сократить случаи пьянства, особенно на производстве, — там достигаются конкретные результаты.

Интересен в этом отношении опыт фабрики имени Веры Слуцкой. Здесь по инициативе партийной организации проведено анкетирование всех категорий трудящихся. Результаты исследований показали, например, что если 40 процентов работающих считали свою работу интересной, то 24 процента — неинтересной, а 13,5 процента — категорически неинтересной. Таким образом, 37,5 процента работающих не интересовались своей работой, представляя собой базу для потенциальных нарушений.

Чтобы разобраться в причинах такого положения, по результатам анкетирования были проведены партийные и рабочие собрания. На них высказывалось много предложений и критических замечаний, намечены мероприятия, которые нашли отражение в плане комплексного и социального развития. И хотя на фабрике еще имеются нарушения трудовой дисциплины и общественного порядка, сейчас уже можно сказать, что в этом коллективе создана атмосфера нетерпимости к проступкам. Растет политическая и трудовая активность трудящихся. Свыше 90 процентов работающих занимаются в различных кружках политической и экономической учебы, почти 97 процентов участвуют в социалистическом соревновании. Опыт работы партийной организации фабрики по нравственному воспитанию трудящихся был одобрен на бюро РК КПСС.

Пример фабрики имени Веры Слуцкой не единичен. Сейчас, в период активного внедрения на предприятиях бригадных форм организации труда, районный комитет партии стремится поднять воспитательную роль бригад, их влияние на укрепление дисциплины. Широко, например, поддержана инициатива передовых бригад предприятий Василеостровского района о заключении между коллективами бригад договоров рабочей чести, включающих в себя вопросы укрепления дисциплины и правопорядка, борьбы с пьянством.

Для активизации работы по укреплению дисциплины, искоренению пьянства на 42 предприятиях района разработаны трудовые кодексы коллектива. Они стали правилом поведения для трудового человека. В них также предусмотрен комплекс общественных и дисциплинарных средств воздействия, таких, как перевод на нижеоплачиваемую работу, лишение премий, льготных путевок, обсуждение на рабочих собраниях, заседаниях товарищеских судов.

Целенаправленной стала и антиалкогольная пропаганда. Наряду с юристами, рассматривающими эту проблему с позиции «пьянство — путь к преступлению», к антиалкогольной пропаганде шире стали привлекаться медицинские работники, педагоги, социологи, экономисты.

В работе по профилактике пьянства и алкоголизма значительную роль играет также районный наркологический кабинет. Наркологические пункты созданы на ряде крупных предприятий, а на базе производственного объединения «Севкабель» — наркологический диспансер.

Большое значение имеет создание в трудовых коллективах атмосферы нетерпимости к расхитителям народного добра, воспитание у трудящихся чувства хозяина. Этого удастся достичь только тогда, когда воспитательные усилия администрации, партийных, профсоюзных, комсомольских организаций подкрепляются целенаправленной работой по упорядочению учета товарно-материальных ценностей, улучшением условий их хранения и транспортировки, экономным расходованием денежных средств, сырья, топлива и электроэнергии, усилением технической укрепленности объектов народного хозяйства. Более тесное взаимодействие правоохранительных органов и администрации предприятий и организаций позволило регулярно анализировать причины, порождающие правонарушения, и принимать совместные меры по их устранению. Положительно зарекомендовала себя практика проведения выездных сессий народного суда. Широко применяется вы-

несение народным судом и следственными органами частных определений и представлений в адрес администрации предприятий и организаций, на которых не ликвидированы условия, способствующие хищениям и спекуляции.

Партийная организация района стремится к тому, чтобы ни один случай мелкого хищения, нарушения правил советской торговли, других правонарушений не остался без внимания советов профилактики, товарищеских судов (а их у нас более 300), рабочих собраний. Целям профилактики правонарушений служит деятельность добровольной народной дружины района по охране общественного порядка и специальных ее подразделений — по профилактике бытовых правонарушений, тунеядства, хищений социалистической собственности.

Привлекая широкую общественность к работе по предупреждению правонарушений, партия исходит из указаний В. И. Ленина, придававшего большое значение активному участию трудящихся в решительной борьбе с преступностью. В. И. Ленин писал: «Когда все научатся управлять самостоятельно общественным производством, самостоятельно осуществлять учет и контроль тунеядцев, барищей, мошенников и тому подобных «хранителей традиций капитализма», — тогда уклонение от этого всенародного учета и контроля неизбежно сделается таким ...редчайшим исключением, будет сопровождаться, вероятно, таким быстрым и серьезным наказанием, что необходимость соблюдать несложные основные правила всякого человеческого общежития очень скоро станет привычкой».

Секретарь Василеостровского райкома КПСС
В. Д. Виноградов

ПРОСТОЕ НЕПРОСТОЕ ДЕЛО

Дверь в кабинет открылась так, как ее открывают только свои, — широко, уверенно. На пороге встала стройная сероглазая девушка в черном свитере, спросила подполковника Яковлева:

— Вызывали, Юрий Сергеевич?

Яковлев оторвал взгляд от письменного стола, на котором лежал большой, во весь стол, лист бумаги, весь исписанный пометками вдоль и поперек. Он не любил записных книжек и блокнотов, все необходимые для себя пометки делал на таком листе. Тщательно изучив все эти записи, уничтожал лист.

Взглянув на вошедшую сквозь толстые стекла очков, сказал:

— Вызывал, Лариса Ивановна. Есть у меня для тебя одно небольшое дело. Присядь-ка!

Девушка села не сразу, с подозрением глядя на подполковника, поинтересовалась:

— Опять хулиганство? Юрий Сергеевич, у меня сейчас три, до сих пор на мне висят! Сколько же можно давать еще?

— А вот и не угадала! Вовсе не хулиганство, а хищение. Хищение не крупное, но складывается в большую неприятность. Я как-то докладывал о пропаже посылок на страховом узле связи, — так вот, провели там некоторую работу, но концов не нашли. А вчера почтовики сообщили,

что воровство продолжается. И все грешат на водителя почтового фургона Молчанова. Так что, уважаемая товарищ Орлова, придется тебе заняться этим делом. Случай несложный, но покопаться придется всесторонне, въедливо, дотошно!

— Несложный? — переспросила Орлова. — Я же помню, как вы на совещании говорили, что ухватиться не за что!

— Говорил, не отказываюсь, — подтвердил Яковлев. — Но ситуация, Лариса Ивановна, изменилась. На страховом узле связи поработал лейтенант Георгиев, и вот какая вырисовалась картина: воруют посылки из страховых мешков и пачки книг — приложения к журналам «Огонек», «Дружба народов», «Сельская молодежь». В страховых мешках, из которых пропадают посылки и бандероли, как правило, не оказывается ни описей, ни сопроводительных ярлыков. Так что выяснить сразу, откуда отправлена пропавшая посылка, не всегда удается. Одним словом, чудеса на страховом узле связи!

— Да зачем же нужны эти страховые узлы, если на них такой беспорядок? — спросила Орлова.

Спросила так, потому что уже поняла: именно ей придется заняться этим малоинтересным делом о пропаже посылок.

— Страховой узел связи, — терпеливо разъяснил подполковник, — служит для сортировки почтовых отправок и передачи их в другие почтовые отделения, то есть адресатам. Георгиев выяснил, что на страховом узле посылки не могли пропасть, потому что там мешки обрабатывает не один человек, а целая бригада. Все происходит на глазах у всех. Пропажи надо искать на пути от железнодорожного узла связи до межрайонного страхового узла. А это значит, что искать надо среди водителей!

— Это что — рабочая гипотеза? — поинтересовалась Орлова.

— Это почти факт: работники узла установили по документам, что все пропажи, которые произошли на страховом узле с ноября прошлого года до апреля нынешнего, связаны с именем шофера Молчанова Бориса Васильевича. Кстати, Молчанов недавно, уже в апреле, недодал три пачки книг.

— Ну если так все просто и ясно, то, может, без меня обойдется, Юрий Сергеевич? — поспешила отказаться Орлова.

— Не все так просто! — остановил ее Яковлев. — Дело в том, что беспорядки на этом узле немалые, почту прини-

мают без должного соблюдения правил: документы оформляют небрежно, подписи нечеткие. В общем, не все так уж очевидно, как может показаться с первого взгляда. А тут еще сам этот Молчанов на днях пришел к диспетчеру узла и сказал: «Привез почту, а в ней из двадцати семи мешков — три с оборванными ярлыками, а один мешок вообще полуразвязан. Проверьте, чтобы ко мне не было претензий!» Проверили — все посылки целы! Но ярлыков действительно нет.

— Выходит, Молчанов не виноват? — удивилась Орлова.

— А вот что выходит — это тебе придется расследовать, Лариса Ивановна, — тут же объявил Яковлев. — Я думаю, надо тебе ознакомиться с делом и задержать Молчанова.

— Юрий Сергеевич, не рано ли? — спросила Орлова. — Одни лишь подозрения, а вы — задержать!.. Думаете, прокурор согласится с нами?

Яковлев покопался в своих папках, протянул Орловой лист бумаги:

— Вот письмо заместителя начальника Управления почтовой связи. Связисты контролировали работу Молчанова на линии и установили, что он ежедневно по два-три часа в рабочее время находился на квартире у матери, Молчановой Анны Васильевны, которая живет на Смоленской улице. Вчера инспектор Управления почтовой связи зашел к ней на квартиру. Сына он там не застал, но увидел кое-что существенное. Вот что они нам пишут: «29 апреля Молчанова А. В. добровольно выдала часы-будильник марки «Янтарь» № 6973, который был похищен из посылки № 3, отправленной 9 января 1981 года из Тосно в адрес часового завода в Орле. Убедительно просим возбудить уголовное дело в отношении Б. В. Молчанова, так как в настоящее время предприятия связи имеют материальный ущерб от его хищений на сумму 1000 рублей». А коль так, то выходит, что надо его задержать, Лариса Ивановна! — закончил Яковлев.

Орлова колебалась. Конечно, Юрий Сергеевич — человек опытный, но ей этот совет казался рискованным: собственно, никаких улик, кроме этого будильника, нет. Ведь могло случиться, что будильник попал в руки Молчанова случайно, и тогда все подозрения окажутся просто подозрениями. Как тогда быть с задержанным Молчановым? Извините, мол, промашку допустили?..

Лариса Ивановна высказала свое сомнение, но Яковлев уверенно возразил:

— Проведем обыск — улики будут, я убежден!
Орлова с сомнением покачала головой, но папку взяла:

* * *

Никаких головоломок не пришлось решать следователю Ленинского РУВД, старшему лейтенанту милиции Л. И. Орловой в этом «пустяковом» деле, которое она приняла к своему расследованию с такой неохотой. Прокурор дал санкцию на арест Молчанова: слишком уж явной была связь между пропажей часов из посылки и синим будильником, красовавшимся на столе у матери Бориса Молчанова.

Молчанова задержали 30 апреля. В тот же день следователь Л. И. Орлова вызвала его на допрос.

В следственный изолятор вошел мужчина средних лет: невысокий худощавый шатен, невыразительное лицо. Он сел, беспокойный взгляд скользнул по лицу Орловой. Лариса Ивановна отметила, что у него подрагивают руки. «Трусит...» — подумалось ей, но она тут же одернула себя: волноваться у следователя может не только преступник, но и честный человек. Более того, как раз преступник будет стараться скрыть свое волнение, в то время как честный человек наверняка будет переживать от одной только мысли, что его в чем-то подозревают.

Отвечая на вопросы следователя, Молчанов только кивал и соглашался со всем. Он не протестовал, не спрашивал, в чем его подозревают, — это настораживало Ларису Ивановну. Однако на ее вопросы Молчанов отвечал неожиданно твердо и совсем не собирался признаваться в каком-либо преступлении. Поначалу Орлова задала ему вопрос:

— Скажите, Молчанов, что вы обязаны сделать, если обнаружите неисправности в перевозимых вами страховых мешках?

Молчанов ответил сразу — говорил тихо, но уверенно, и лишь кончики пальцев его руки, лежавшей на столе, слегка дрожали.

— Я обязан проверять мешки, в которых перевозят корреспонденцию. Мешок должен быть опломбирован, а если что не так, то я не должен его брать, пока не проверят и не составят акт.

Орлова отметила про себя, что Молчанов, видимо, был готов к такому вопросу, потому и отвечает уверенно. Она сказала:

— Однако известно, что вы такие мешки брали и привозили на страховой узел. Почему вы так поступали?

Молчанов слабо шевельнулся на стуле, подумал и ответил:

— На мешках, которые я привозил, пломбы были целыми — у меня их принимали без замечаний. Потом говорили, что в некоторых мешках вроде не хватало посылок и описей. А я здесь при чем? Я ведь не проверяю содержимое мешков.

Орлова задала следующий вопрос:

— Первого февраля вы получили на Московском вокзале двести шестьдесят пачек газет для перевозки на Варшавский вокзал. Но в почтовом отделении на Варшавском вокзале три пачки от вас не приняли, так как возникло подозрение, что из них похищены книги — приложение к журналу «Дружба народов», роман Дангулова «Кузнецкий мост». Непринятые пачки вы возвратили на Московский вокзал. Кому вы их там сдали?

И опять Молчанов слабо шевельнулся.

— Я вернул эти три пачки на Московский вокзал. Зашел в почтовое отделение, но там никого не было. Тогда я взял журнал регистрации, расписался вместо бригадира и поставил штемпель. Пачки я оставил там и больше в газетную не возвращался.

«Вот как у него просто! — подумала Орлова. — А может, и в самом деле не придает особого значения формальностям?..»

— Но вы же понимали, — спросила она, — что поступаете незаконно? По сути дела, вы учинили подлог. Вы это понимаете?

Молчанов пожал плечами.

— А что мне, ждать их, что ли?.. И не первый раз так делали, не я один.

Лариса Ивановна подготовила главный вопрос, который должен был многое решить: будет Молчанов говорить правду или попытается ввести следствие в заблуждение.

— В марте восемьдесят первого года вы дали вашей матери будильник «Янтарь» № 6973 Орловского часового завода. Откуда у вас этот будильник?

Молчанов поднял голову, на какое-то мгновение встретился взглядом с Орловой и тут же уверенно, не раздумывая, подтвердил:

— Да, я принес матери будильник в марте месяце. Мне этот будильник три месяца назад дала на Финляндском вокзале одна женщина. Я с ней работал раньше, на одном пункте связи. Мне она сказала, что это ее будильник, но он ей не нужен.

— Как фамилия этой женщины?

— Фамилию не знаю, я ее звал Федоровной. Больше о ней ничего сказать не могу — не хочу подводить человека.

— А себя подвести не боитесь тем, что уклоняетесь от ответа?

Молчанов только пожал плечами.

Как она и предполагала, первый допрос ничего существенного не дал.

Позвонил Яковлев, поинтересовался, как идет следствие.

— Пока не хочет признаваться Молчанов, — ответила Орлова.

Яковлев озабоченно сказал:

— Повозиться тебе придется много, даже если бы он сразу во всем сознался. Все равно каждый факт тебе самой надо доказать. Так что не переживай! Мы тебе помощь кое-какую организовали: инспектор ОБХСС Шевцов провел обыск у матери Молчанова. Она добровольно выдала вещи, которые сын привез к ней на квартиру позавчера. По всем признакам, вещи эти похищены: отрезки ткани, женские туфли, сапожки, книги. Тебе предстоит выяснить, откуда все это появилось у Молчанова. Но уже сейчас есть зацепка: зеленая шерстяная кофта пятьдесят второго размера. В материалах узла связи о ней упоминали, это посылка из Выборга. А еще на квартире Молчановой нашли восемь книг Дангулова «Кузнецкий мост».

— Юрий Сергеевич, мне ждать Шевцова или продолжить допрос Молчанова?

— Нет, Молчанова ты допросишь немного погодя! Анна Васильевна Молчанова указала, что у ее сына была сожительница — некая Тамара Ерихонская. Наши товарищи разыскали эту Тамару и уже пригласили ее к тебе, через полчаса она у тебя будет. Так что цени своих товарищей по работе!

— Ценю, ценю, Юрий Сергеевич, — обрадовалась Орлова.

Не прошло и получаса, как в кабинете у Орловой уже сидела худенькая, ловкая женщина лет тридцати. Лариса Иванова отметила про себя, что Ерихонская — женщина довольно симпатичная, хотя помада на губах была чересчур яркая, а тени на веках излишне синие. Держалась она свободно, реакция на вопросы была естественной, временами даже наивной. Наивность эта граничила с простотой, о которой говорят, что она хуже воровства.

Ерихонская рассказала о своих отношениях с Молчановым обстоятельно и по порядку:

— С Борисом я познакомилась в семьдесят седьмом году, когда работала сортировщицей на почте. Он шофером был, на машине почту возил. Я как раз тогда разошлась с моим мужем, Ерихонским, и мы с Борисом сошлись, стали жить вместе. Он мои вещи перевез к себе из Тосно — я родом из Тосно, у меня мать и сейчас там. С Борисом мы жили почти год, а потом я вернулась к бывшему мужу. Скучно стало с Борисом. Он тихий, недаром и фамилия у него Молчанов. К мужу я вернулась прошлой осенью, но иногда приходила на квартиру к Борису узнать, как он живет. Вещи у меня там еще оставались, вот я и приходила, чтобы переодеться или взять с собой. Вообще, приходила потому, что жаль было Бориса — один остался...

Месяца полтора назад я пришла к нему — Борис в это время на работе был, но у меня есть ключ от квартиры. Заглянула в шкаф, а у него там чужие вещи: белые туфли женские, и еще кофта шерстяная была. Размер? Туфли, я думаю, тридцать шестого размера — на мою ногу не полезли. А кофта — пятьдесят второго, я запомнила, потому что удивилась: зачем ему такая большая кофта?.. Мне не подойдет, мать у него тоже худенькая.

Часы? Да, часы я видела у него на столе в коробочке, белые такие, никелированные. И золоченые тоже видела. И еще будильник синий. Куда дел — не знаю. Знаю только, что вещи он давал на сохранение своей соседке, Людмиле Корольковой. Она дворником работает в жилконторе. Королькова и книжки носила продавать, которые давал ей Борис. У Бориса по несколько штук одинаковых было, он оставлял себе по одной, а остальные отдавал Людке продавать в жилконторе. Я догадывалась, что книги он где-то достает... ну, в смысле — ворует, потому что откуда сразу десять штук одинаковых?! Я ему говорила, чтобы он не делал этого, но он меня не слушался. Сама я ничем не пользовалась — у меня своего достаточно. Да мне мать за чужую вещь волосы все бы выдрала! Мать нас воспитывала в строгости, я себе ничего такого не позволю...

Борис позавчера пришел ко мне, стал уговаривать, чтобы я про него молчала и ничего не говорила, если будут спрашивать. А что про него молчать, когда про него все дворники в ЖЭКе всё знают? Людка эта, Королькова, всем про него рассказывала, книжки продавала — она и есть змея подколотная!..

— Почему же она «подколотная»? — удивилась невольно Орлова.

— Да если бы она не взялась эти книжки продавать — Борис, может, и не стал бы их приносить, потому что кому бы он их продал?..

Когда за Ерихонской закрылась дверь, Лариса Ивановна испытывала сложное чувство к этой женщине: она дала правдивые показания и этим помогла следствию. Но удивляла ее реакция на то, что происходило и произошло с Молчановым. Ведь видела все, знала, что он совершает преступление, а не остановила!..

* * *

Когда Орлова пригласила на очередной допрос Молчанова и предъявила ему протокол обыска на квартире у его матери, вышло так, как ей предсказывал подполковник Яковлев, — Молчанов сразу сознался во всем. На все вопросы Орловой он отвечал охотно и обстоятельно, ни разу не попытался свалить вину на кого-то другого. Бледное лицо его оживилось, легкий румянец покрыл щеки. Голос уже не дрожал, и вообще Молчанов был похож на человека, который сбросил с себя тяжелый груз. Он и в самом деле обрадовался, что не надо больше хитрить, изворачиваться. Одним словом, перед Орловой сидел вроде бы неплохой человек, случайно совершивший преступление...

Если бы это было так! Случайно Молчанов мог совершить хищение один раз. Он и рассказывал о своем первом хищении как о случайном:

— Полгода назад я привез на страховой узел мешки с почтой, а один из них был плохо окантован, со слабой перевязью. Край мешка вылез из-под перевязки, из него выпала посылка. Я ее и не заметил сразу. А когда сдавал мешки — увидел, что он развязан, но мешок у меня приняла, никто ничего не сказал — я и ушел спокойно. Весь день возил посылку в машине, а вечером принес домой. В посылке оказались металлическая пепельница и шарф. Я все ждал, что хватятся пропажи, но никто ничего не говорил, и я подумал, что все прошло незаметно... Второй раз я уже нарочно, когда получил почту, закрылся в фургоне и осмотрел все мешки внимательно. Увидел, что один из них плохо окантован, и вскрыл его. Взял оттуда одну бандероль, а опись порвал и выбросил. И упаковку бандероли выбросил, так что не могу сказать, откуда она пришла. В бандероли были зеленая женская кофта и халат.

— Ну и дальше что вы сделали?

— Сдал почту на страховой узел связи. Мешки по количеству были все, и там никто не хватился пропажи.

— И никто не обратил внимания на плохую окантовку мешка?

— Не знаю. Может, и обратили, а когда принимали, то ничего не сказали. Там же много почты приходит, ее сортируют и обрабатывают не сразу.

— А если бы внимательно проверяли — увидели бы не-исправность?

— Конечно, увидели бы и акт составили. Я потом еще несколько раз брал посылки, уже сам сдергивал концы неокантованных мешков. В посылках попадались ненужные мне вещи, кое-какие из них я продал, одну или две, а остальные лежали у меня на квартире. Когда узнал, что пропажами заинтересовалась милиция, я отвез вещи к матери, там они и лежали у нее в коридоре.

— От кого узнали, что пропажами заинтересовались органы милиции?

— На узле связи мне сказала одна женщина, что за мной наблюдают. Да и объяснение с меня брали месяц тому назад, так что я догадывался.

«Добрая тетя, — подумалось Орловой, — помочь хотела парню, да только способ выбрала не лучший...»

Молчанов рассказывал о всех своих хищениях просто, спокойно, обстоятельно. И снова у Орловой возникло сомнение: не наговаривает ли он на себя лишку, нет ли у него сообщников? Но Молчанов на ее вопрос заявил:

— Я работал в одиночку. Может, кто и догадывался, что вещи ворованные, но никто не знал моего принципа работы.

«У него, оказывается, и принципы были!» — удивилась мысленно Орлова и тут же спросила:

— Зачем же вы занимались хищениями, если не воспользовались вещами и не продали их?

Молчанов ответил не сразу, подумал немного, потом объяснил:

— Кое-что я все же продавал, например книги. Я уже привык, что у меня есть дополнительные деньги.

— И сколько же вы получили этих денег?

Молчанов снова ответил не сразу.

— Денег было немного, потому что я мало что продал.

— А предлагали кому-нибудь?

— Книги предлагал своим соседкам. Королькова книжки продавала у себя в жилконторе и деньги отдавала мне все полностью. Но она не знала, откуда у меня книги.

— И не догадывалась?

— Наверно, не догадывалась. Не хочу лишнее наговаривать на людей.

Он стремился быть по-своему благородным, этот Молчанов, брал всю вину на себя. Но для Орловой нужно было не это «благородство», для нее важнее всего было установить истинную вину каждого причастного к этому делу человека. И потому Орлова решила временно прервать допросы Молчанова и заняться свидетелями.

В последующие несколько дней перед Ларисой Ивановой Орловой прошел чередой добрый десяток свидетелей — в основном это были люди, покупавшие ворованные книги, а также работники страхового узла и автобазы, в которой работал шофером Молчанов.

Работники страхового узла все до единого характеризовали Молчанова плохо. Это объяснялось просто: им, отвечавшим за каждый случай пропажи почтового отправления, когда нашелся виновник хищения, с самого начала, как бы само собой, было ясно, что Молчанов не мог быть хорошим человеком. Даже диспетчер узла связи Мудров, которого все считали как бы приятелем Молчанова, сказал о нем:

— Да нет, мы с ним не были друзьями. Так, иногда вместе выпивали после работы. Вино покупали по очереди, чтобы не быть в долгу друг у друга. А вообще-то денег у Бориса никогда не было, вечно занимал в долг, и у меня тоже занимал. Думаю, выпивал он часто, потому и денег не имел.

Администрация автобазы, наоборот, выдала Молчанову прекрасную характеристику, в которой черным по белому было написано, что Молчанов — «исполнительный и дисциплинированный работник. К вверенной технике относится бережно, технически грамотный. Производственные задания выполнял качественно и в срок. Неоднократно поощрялся администрацией автобазы в виде выплаты денежных премий. По складу характера тихий и вежливый. Отдельные поручения выполнял добросовестно. Участвовал в общественной жизни автобазы».

Администрация базы видела в нем тихого и вежливого работника, который добросовестно относился к своим обязанностям. Но в чем же причина, почему этот шофер первого класса, который и без воровства неплохо зарабатывал, стал уголовником? Не секрет, что «левые» деньги шофер мог бы добыть более простым способом: кого-то подвезти к вокзалу за трешку, кому-то доставить телевизор из магазина, — глядишь, за день набежит десятка, а то и больше. Но вежливый, тихий и добросовестно относящийся-

ся к работе Молчанов предпочел хищения из почтовых мешков. Почему? Из-за пристрастия к спиртному?

Лариса Ивановна не верила этому: у нее были показания многих свидетелей, которые утверждали, что Молчанов редко бывал пьяным, — об этом в один голос прежде всего заявили соседки Молчанова Людмила Королькова и Вера Чахоненко.

Вера Чахоненко, работающая инженером, подтвердила, что Молчанов хотя и бывал иногда нетрезв, но вел себя всегда прилично: если выпьет — сразу уйдет к себе в комнату и больше не появляется на кухне. Она и подумать не могла, что Молчанов предлагал ей ворованные книги.

Людмила Королькова, разбитная двадцатипятилетняя девица, тоже сказала, что ничего не видела и ничего не знает, а что касается Бориса, то парень он тихий, можно сказать, непьющий. Больше о нем она, Королькова, ничего сказать не может. Вот так.

Лариса Ивановна предъявила Корольковой показания Молчанова и Ерихонской. Королькова смутилась и даже как будто испугалась: она тут же подтвердила, что брала книги у Молчанова и продавала их своим сотрудницам в жилищной конторе. Но абсолютно не догадывалась, откуда книги появились у Молчанова.

— Есть ли у вас сейчас, — спросила Орлова, — какие-нибудь вещи, которые вам передал Молчанов?

Королькова быстро взглянула в лицо следователя, пытаясь понять, что известно Орловой. Какую-то минуту она колебалась, сознаться или нет, и по затянувшейся паузе Лариса Ивановна догадалась: вещи Молчанова у нее были.

— Повторяю вопрос... — сказала Орлова, но Королькова поспешно перебила ее:

— Да, у меня есть вещи, которые мне дал Борис. Я их вам принесу! Это книжки, штук десять, разных авторов. И еще отрез кримплена — это он мне подарил. Я все отдам, все его вещи!

— Хорошо, — согласилась Орлова, — мы составим протокол добровольной выдачи вами вещей и книг, которые вам дал Молчанов.

Кроме соседок Орлова допросила еще несколько свидетельниц, которые покупали похищенные книги. Дворник Козицкая сказала:

— Я купила у Корольковой книжку Дангулова «Кузнецкий мост» и второй том сочинений Тютчева. О том, что книги ворованные, не знала. Люда говорила, что книги достает ее сосед Боря, который работает в «Союзпечати».

— Что значит — достает? — спросила Орлова.

Козицкая только пожала плечами:

— Сейчас все всё достают, а где достают — это не мое дело!

Техник жилищной конторы Хмурнова утверждала:

— Я и подумать не могла, что они украдены! Я купила у Корольковой пятый и восьмой тома сочинений Марка Твена. А потом увидела у Козицкой Тютчева и тоже попросила принести. Королькова принесла мне на другой день.

— Тоже второй том Тютчева? — уточнила Орлова.

— Да.

— Вам не показалось странным, что Королькова продает разрозненные тома, да еще и по несколько одинаковых экземпляров?

— Нет, нет, я не знала, что книги ворованные! — повторила Хмурнова.

Эти свидетельницы — дворники, техники, инженеры — были людьми грамотными, понимали толк в книгах и, конечно же, догадывались, что книги эти добыты нечестным путем. Однако сейчас, опасаясь, что их посчитают сообщниками Молчанова, дружно доказывали, что они ни о чем не догадывались. К уголовной ответственности никого из них не привлекли, но по своей сути они были пособниками преступника.

* * *

Молчанов признался во всем, большинство вещей и почти все книги были найдены. Но именно теперь началась самая сложная часть расследования: надо было найти владельцев почтовых отправок, похищенных Молчановым, надо было выяснить, кому были недосланы книги. А это означало десятки запросов во все концы страны и во многие почтовые отделения Ленинградской области: в Сланцы, Оредеж, Сосновый Бор, Выборг, Зеленогорск, Приозерск... Сотни квитанций, ярлыков, ведомостей, десятки писем и протоколов, заявлений от потерпевших — все это надо было не просто перечитать или сопоставить.

Это, казалось бы, мелкое дело растянулось по времени. Пришлось просить в прокуратуре продления срока расследования в силу большой трудоемкости проводимой Орловой работы. Многие переводы, квитанции и ярлыки отсутствовали, и работу Орлова провела огромную, прежде чем дело было доведено до конца. Тут Ларисе Ивановне помогли ее упорство, настойчивость: Юрий Сергеевич

Яковлев знал, кому поручить это столь простое непростое дело о хищении почтовых отправок.

Между тем, продолжая время от времени вызывать на допросы Молчанова, чтобы уточнить тот или другой выявившийся факт, Лариса Ивановна каждый раз задумывалась о своем подследственном: чем же руководствовался Молчанов, когда воровал? Для нее продолжали оставаться неясными внутренние мотивы его поведения. То есть формально все было ясно: воровал с целью наживы. Но поступал Молчанов с похищенным имуществом, можно сказать, нелепо — кроме книг почти ничего не продал. Например, Молчанов похитил посылку с шестью будильниками, один подарил матери, а остальные выбросил в бак с мусором во дворе.

Молчанов же охотно подтверждал, что воровал он с целью наживы, других мотивов у него не было.

— Почему же вы не продали похищенное имущество? — поинтересовалась Орлова.

Молчанов подумал и ответил:

— Просто не успел. Случая подходящего не было.

Лариса Ивановна только теперь поняла: Молчанов совершил преступление потому, что был «подходящий» для этого случай — обстановка бесконтрольности, безответственности со стороны некоторых работников узла связи, автобазы, почтовых отделений. Нарушения правил обработки почтовых отправок считались обычным явлением, а когда хищениями занялась милиция, то даже нашлась сердобольная женщина, которая предупредила Молчанова, что за ним следят...

Короче, обстановка для хищений была «подходящей», и Молчанов, аккуратный, тихий, исполнительный Молчанов стал красть регулярно. А вот сбыть краденое не мог, потому что надо было искать покупателей. Королькова взялась ему помочь — и Молчанов охотно отдавал ей книги, отрезки на платье. Но и она боялась ввязаться в крупные махинации, предпочитала иметь дело с такой безобидной «мелочью», как ворованные книги, и потому остальные вещи осели в квартире Молчанова...

— Скажите, — спросила его Орлова, когда дело № 37265 практически уже было завершено, — у вас никогда не появлялось чувство вины или жалости к тем, кого вы обворовывали?

В первый раз за все время Молчанов не знал что ответить. Видно было, что ему не хотелось говорить ни да, ни нет, потому что и тот и другой ответ повлек бы за со-

бой очередное «почему». Он долго колебался и наконец сказал:

— Я никогда об этом не думал... Я же не знал никого из этих людей. И потом, вещи-то были недорогие, убыток небольшой...

— Кофта стоимостью шестьдесят рублей — это, по-вашему, небольшой убыток? Смотри для кого...

Молчанов беспокойно заерзал на стуле.

— Я хотел сказать, — объяснил он, — что таких вещей я взял немного, и они почти все остались у меня. А книги — это, в общем, мелочь...

— Представьте себе подписчика на собрание сочинений Стивенсона или Симонова: живет такой человек в Оредеже или Сланцах, получил три тома, радуется книгам. И ребята его радуются, что будут читать «Остров сокровищ». Но этих книг они не получают, потому что гражданин Молчанов захотел иметь несколько лишних рублей «дополнительного» заработка за счет этих ребят!

Молчанов не ответил.

— А сколько подписчиков, — продолжала Орлова, — по вашей вине писали заявления, обвиняли всю почту и честных людей, там работающих, что они воруют книги! Разве рублями измеришь ущерб, который вы нанесли людям?

— Да, я понимаю, — произнес поспешно Молчанов, — я виноват, конечно. Вину свою признаю, и на суде так скажу. Я обещаю, что больше такое не повторится...

Когда Молчанова увели, Лариса Ивановна подумала: вполне возможно, что раскаяние его искренне и с ним подобное не повторится. Но скольких людей еще доведет до суда эта мнимая легкость «дополнительного» заработка, эта уверенность, что другие попадались, а мне сойдет с рук!..

Орлова взяла папку с делом и пошла в кабинет к Яковлеву. Подполковник встретил ее обрадованно:

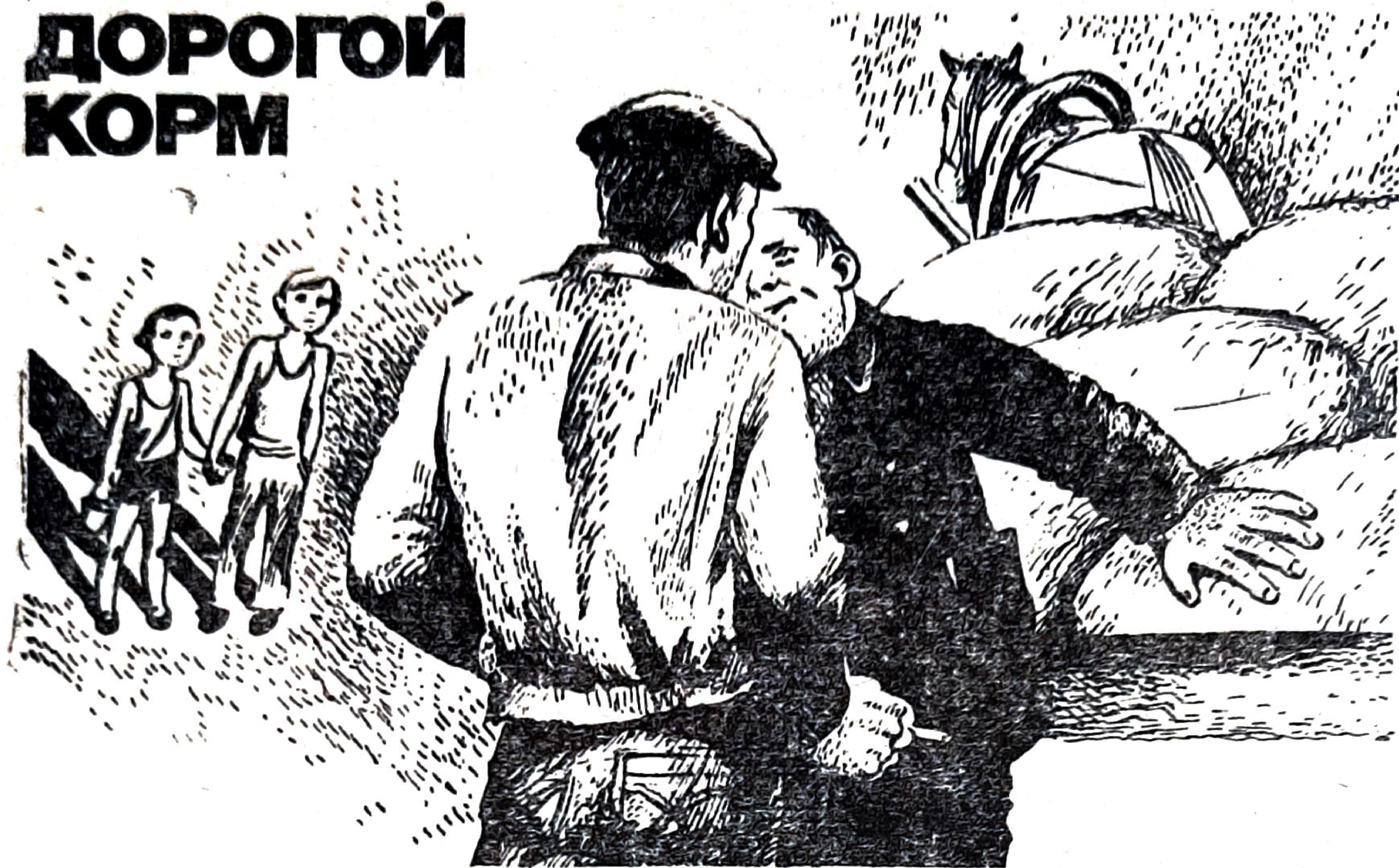
— Ну что, кончила? Хорошо, хорошо, давай сюда! Обвинительное заключение... акты экспертизы... протоколы... Так, так, хорошо!

Он отложил дело в сторону и, поглядывая на Орлову сквозь стекла очков, деловито заговорил:

— Лариса Ивановна, надо бы тебе заняться одним делом: лежит у нас, понимаешь, заявление...

Анатолий Белинский

ДОРОГОЙ КОРМ

Судья зачитывал приговор.

Плешков стоял, слушал и думал о том, что все это происходит не с ним. Однако ровный, бесстрастный голос продолжал говорить о том, что все эти противозаконные действия сотворил он, Плешков, будучи вменяемым, трезвым, вполне здоровым... И много, много разных слов, подтверждающих его вину.

Когда в заключительной части он услышал, что приговаривается к одному году и шести месяцам лишения свободы и берется под стражу прямо здесь, в зале суда, его бросило в жар, а потом появилось такое ощущение, будто его голову и плечи обсыпали каким-то порошком, может, мукой, и порошок этот или мука медленно въедается в кожу. Он резко потрянул головой, но ощущение не проходило. Оно лишь неудержимо растекалось по всему телу сверху вниз.

Милиционер встал с левой стороны чуть сзади и смерил Плешкова унизительно-строгим взглядом. Он знал этого милиционера, Лешку Затулина. Вместе когда-то в армию призывались, служили вместе. До этого случая Лешка всегда первым здоровался с ним при встрече в райцентре. Даже как-то, когда Затулин был в штатском, не на службе, выпили с ним у ларька по кружке пива, поговорили. Теперь же Лешка строго смотрит на Плешкова и виду не показывает, что знаком.

Красивая девушка-заседатель, услышав приговор, скорбно опустила длинные ресницы. «Пожалела, — неприятно поморщился Плешков, — лучше бы в совещательной комнате слово закинула, не согласилась бы с судьей...»

«Учитывая значимость содеянного для сельского хозяйства, а также руководствуясь Указом об усилении ответственности за хищения... — стучало у него в голове. — И главное, все вдруг начали отворачиваться. Как же? Выходит, я уже не человек, я преступник. Причем узаконенный, на меня и приговор есть... Господи, как все глупо», — думал Плешков.

Стоял он как в полусне, ошарашенный неожиданным поворотом дела и все еще немножко хмельной от выпитой «для храбрости» перед судом водки. «Что же, выходит, теперь и садиться, и идти куда-то мне можно только с разрешения Лешки Затулина?»

Вдруг мысли его перебросились на семью. Дома, по всей вероятности, и не подозревают о случившемся. Ждут, надеются, что к вечеру он будет за своим семейным столом. (А как хорошо бы!) Тамара небось в магазин сбегала. Хоть и противница выпивок, но ради такого случая наверняка запасла бутылочку. Неприятно, конечно, услышать, что мужу присудили штраф или исправительно-трудовые работы с вычетом каких-то процентов из зарплаты. Но куда денешься? Где наша не пропадала!

А тут за решетку! Вот как все обернулось...

Еще во время суда, когда слово было предоставлено прокурору, седому мужчине в очках и форменном кителе, на Степана словно подуло нехорошим сквознячком. Прокурор подозрительно долго протирал очки, шелестел бумагами... А потом заговорил... По его словам выходило, что подсудимый уже зрелый преступник, делал все с прямым умыслом, сознавая незаконность своих действий, наносящих ущерб государству, и т. д. и т. п. Потребовал квалифицировать действия Плешкова Степана Ермолаевича по статье 89 УК РСФСР. Суд принял во внимание заявление прокурора, и меру наказания ему определили уже не за мелкое хищение.

После суда ему дали короткое свидание с Дмитрием, хотя Степан и не хотел ни с кем разговаривать, тем более с братом. Дмитрий тоже не ожидал такого крутого поворота дела, советовал нанять сведущего адвоката и подавать кассацию в областной суд, который должен утверждать приговор.

Степан вяло кивнул головой, соглашаясь с этим доводом, и так же вяло пожал Дмитрию руку на прощанье. В его испуганно-блуждающем взгляде сквозила невысказанная обида. Что и говорить, с ним обошлись жестоко. Ой как жестоко. И Дмитрий имел к этому немалую причастность.

В дежурной комнате, куда его доставили, начались формальности, заполнение дела на осужденного. Его уже в который раз спрашивали, где и когда он родился, какое имеет образование, где работал в последнее время, судим ли ранее, женат ли...

Он терпеливо отвечал на вопросы. А сам мимолетно, как во сне, начинал чувствовать свое прикосновение к какой-то другой, новой, неизвестной ему жизни. Ведь его неожиданно отрывали от родного дома.

Помощник дежурного, пожилой человек с поседевшим ежиком волос, спросил: «Есть ли дети?» — и Степан машинально назвал старшую дочь. Милиционер равнодушно записал в нужной строке: «Пляшкова Лариса Степановна, 5 лет».

Плешков потом долго не мог понять, что именно его так взъярило. Неужели не та буква в фамилии? Его тогда будто шилом в бок ткнули: «Зачем детей записывать в эти бумаги?» Он почему-то решил не называть сына. Пускай делают что угодно, но он будет молчать.

— Одна? — переспросил помощник дежурного.

— Это вас не касается, — зло ответил Плешков. — Дети... — он замялся, подбирая подходящие слова, — ничего вам не сделали, и заносить их в мое дело не обязательно.

— Вы, гражданин хороший, а собственно, не гражданин, а осужденный, потрудитесь отвечать на вопросы как положено. Без фокусов, — предупредил милиционер. На лице помощника дежурного появилось легкое удивление, смешанное с любопытством. Он привык, что после суда люди даже с ненужными подробностями отвечают на все вопросы. Действительно, что уж мудрить, коль срок за плечами. Этот же чудака запротестовал из-за непонятного пустяка. Не нравится ему, видите ли, что детей записывают в анкету.

— Так что же, в молчанку будем играть? — еще раз незлобиво спросил милиционер, тоном своим давая понять: никуда ты, голубок, не денешься, отвечать придется.

— Хорошенькая игра, — огрызнулся Плешков, вспоминая двухгодовалого Димку, названного в честь дяди. И

теперь он худо подумал о своем старшем брате. Из-за него вся эта каша заварилась... Обнаглел. Слово «нельзя» для него не существует. Ну погоди же...

Упрямство Степана граничило с глупостью. И глупость эта была ему показана тут же, как на развернутой странице книги.

— Оставь его в покое, Дригант, — равнодушно посоветовал младший лейтенант с глубокими залысинами на висках, — посмотри в деле.

Ему не хотелось портить настроение из-за пустяков.

Милиционер вынул из стола тощую папку, прибывшую из суда вместе с осужденным, и на второй строке, вслед за Лариской, вывел: «Пляшков Дмитрий Степанович, 2 года».

— Между прочим, Плешков через «е» пишется, — неприязненно заявил Степан и добавил: — Я такую бумагу подписывать не стану.

Милиционер приоткрыл рот, посмотрел на младшего лейтенанта. Тот сощурил оба глаза и назидательно сказал, что в анкете осужденного исправления недопустимы. Дежурный был немногословен. Как понял Степан, сказанное относилось не к нему. Милиционер сразу же достал другой бланк, более внимательно начал переписывать данные Плешкова, а Степан тем временем стал думать о том, почему он вдруг проявил такую несдержанность, когда в анкету потребовалось записать детей? Почему у него не возникло по этому поводу никаких сомнений во время следствия? Наоборот, там он с какой-то непонятной гордостью говорил, что у него имеется двое детей, с улыбкой умиления на лице называл их имена, указывал возраст. Ему было лестно даже, что следователь узнает такую приятную подробность. Так почему же теперь ему вдруг стало оскорбительно, когда детей потребовалось записать в анкету осужденного?

«Корыстные мотивы», — вдруг пришло на ум запомнившееся за время следствия выражение. Точно, корыстные мотивы, другого объяснения он не видел. «Значит, там, когда я находился на воле и думал, что мне не грозит тюрьма, — рассуждал он, — я старался в некотором роде прикрыться своими детьми как щитом. И только теперь, почувствовав, что щит этот оказался весьма легким и непрочным против меча правосудия, я начал бороться за чистоту и непорочность детей, мне стало оскорбительно называть их имена... Стыд это или скрытая сторона подлости? Или то и другое вместе взятое? Конечно, подлость, стыд и мой эгоизм в придачу!»

Сделав такой вывод, он вдруг вобрал в плечи голову, будто на него нацелили штык, неестественно ссутулился, ощущая всем своим нутром, как жалко он выглядит со стороны, и тихо спросил:

— Что там вас еще интересует, говорите?

Милиционер равнодушно буркнул в ответ:

— Ничего. Пальчики обкатать придется да расписаться.

Больше они почти ни о чем не разговаривали.

В КПЗ он снял куртку, положил ее под голову и повалился на нары. Его обрадовало, что в камере он был один. Никто не помешает одиночеству, не полезет с назойливыми расспросами. Ему не хотелось сейчас видеть людей, хотелось остаться наедине с собой и своими невеселыми мыслями. Это, как он заметил, была первая маленькая его радость в неволе. Ничего не поделаешь, придется, видимо, мириться со многим, привыкать к разному...

Он не помнил, сколько времени спал. А проснулся от странного явления — был весь в поту и тело зудело, будто в него впивались мельчайшие металлические иглы.

«Клопы, что ли?» — подумалось Степану спросонья. Почувствовав под боком доски, он представил на какую-то долю секунды, что спит дома, на полу. Было однажды с ним такое, когда Коле Бельцеву, трактористу из его бригады, вручали медаль. Тогда Степан выпил лишнего, до дому добрался с трудом. Разыскать диван не хватило сил. А жена, не зная в честь чего он набрался, не сочла нужным возиться с ним. Так и проспал на полу всю ночь.

Сразу же он ощутил незнакомый специфический запах, вроде от дезинфекции. Дома такого не должно быть. Почувствовал под головой жесткую, в уклон закрепленную доску и, будто виденный сон, вспомнил прошедший день. Как они собирались с Дмитрием из дома на суд, как брат подшучивал над его женой, что Степана, мол, могут и в тюрьму упрятать, как Тамара вертела пальцем у виска и показывала глазами на настороженно притихших детей, а потом вполне серьезно предупреждала: «Не перебирайте там лишнего после суда. Я знаю, вам был бы повод!»

Во рту пересохло. Хорошо бы кружку колодезной воды. Он не был избалован пивом, в городах бывал редко, все больше в поле. А там какое пиво! Довольствуйся чистой водичкой. Он поднялся с нар, присматриваясь к полумраку. За дверью чуткий милиционер уловил его пробуждение, клацнул железными запорами.

— Здесь вам ужин. Спали вы крепко, не хотел будить.

— Спасибо, — отозвался Плешков, благодаря и за ужин, и за то, что милиционер пощадил его сон. Теперь он уже просто удивился своему прошлому поведению. «Зачем было грубить тому старшине? Что это на меня нашло? На довольствие, выходит, зачислили. Значит, всерьез. Никакой это не сон».

Плешков не поинтересовался, что было в белой металлической чашке, а сразу взял кружку и начал пить не успевший остыть кипяток. Жажда не проходила, и он попросил у милиционера холодной воды. Тот молча взял из рук арестованного кружку. Спустя минуту вода была принесена. Степан выпил с большим удовольствием, еще раз поблагодарил, прилег на нары. Подумал, что в данном случае не помешало бы одеяло, хотя бы легонькое. Оказывается, в КПЗ арестантам не положено постельных принадлежностей.

— Это там, в тюрьме, получите, — серьезно, без тени насмешки, объяснил милиционер.

— Тюрьма, тюрьма, — вслух вздохнул Степан и начал припоминать, как же все это случилось. Он все еще не мог представить себе, что приговор — это не шутка, а вполне реальная вещь...

* * *

...Вез по поселку Степан комбикорм для фермы. По пути встретил старшего брата Дмитрия. Идет Митька призадумавшись, под ноги посматривает. В такое время он всегда к магазину наведывается пропустить стаканчик «бормотушки». Степан сбавил газ, притормозил. Поздоровались.

— Послушай-ка, — растягивая слова и не глядя в глаза брату, начал Дмитрий. — Засе-ел я, братуха. Выручка требуется.

— Что такое? — живо отозвался Степан.

— Да видишь ли, Наталья моя в больнице. Зашил я кругом. Дожил, свиней нечем кормить, — тянул брат, виляя словами, как заяц следами.

Степан знал, что он держит двух боровов. Ничего в этом зазорного не было. Четверо детей у Дмитрия. Теща с ним одной семьей живет. Не доходило только до Степана, в чем заключалась связь между женой брата, свиньями и им лично. И не понял он сразу, какая выручка от него требуется. Прийти и помочь по хозяйству — он всегда рад.

Видя, что брат немножко тугодум, Дмитрий живо и коротко объяснил ему. В нужный момент он мог быть кратким и понятным.

— Сбрось мешочек, — кивнул он на прицеп. — Я с директором переговорю. Заявление напишу, уплачу. Понимаю, незаконно это, — упредил согласно брата, — но пускать под нож свиней раньше времени нет никакого резону...

Степан почесал затылок. Вспомнил, как однажды они уже проделали такой трюк. Узнав об этом, директор совхоза разразился громом, обещал передать дело в милицию. Потом поостыл. Как-никак братья Плешковы работали механизаторами, на них всегда можно было положиться. Времени и сил не пожалеют, выручат. Велел он им написать заявление, внести в кассу положенную сумму, и дело на этом кончилось. Все обошлось благополучно.

Однажды Степан уже краснел перед директором, давал честное слово. Поэтому он наотрез отказался «выручить» Дмитрия. Старший же брат, наоборот, считал тот случай вроде зеленого светофора для дальнейших действий. Сошло, мол, раз, сойдет и другой. В некоторой степени он уже считал директора своим молчаливым соучастником. И Дмитрий к тому же был упрям. Отказ младшего брата только распалил его. Он решил применить давний, еще в детстве испытанный способ угрозы против Степана.

«Вот тут-то я и переступил ту запретную грань, — думал сейчас Степан, лежа на нарах. — Пусть бы он, чертов бугай, бесился, угрожал, сколько его душе угодно. А я бы включил скорость, отпустил тормоза и... поехал на ферму. Но я этого не сделал. Я поехал во двор к Димке, разрешил ему самому снимать мешок».

Дмитрий вместо одного два мешка сбросил. Все ему мало. И к директору, как обещал, не пошел сразу. Вместо совхозной конторы успел лишь до магазина добраться. А пошел спустя несколько дней, когда по поселку пополз слухок, что братья Плешковы без зазрения совести, среди бела дня, разворовывают государственное добро. И получилось, что директор с позором выгнал Дмитрия...

— Поздно, дорогой товарищ. Мне об этом факте прокурор доложил по телефону. Секретарь райкома подтвердил. Все рабочие в отделениях знают. А ты, Плешков, только сегодня проявил милость. Решите лучше между собой, как ответ держать будете!

Степан, оберегая семью старшего брата, принял удар на себя. Да иначе и быть не могло. Ответственный за доставку кормов был он. Он и отвечать должен.

Остатки долгой ночи Степан провалился на нарах. Временами ему казалось, будто веки слипаются, и он уже начинал радоваться, что сейчас вот прервутся мрачные мысли, отдохнет мозг... Но где-то там, за дверями длинного коридора, звенел телефон, отодвигался стул, хлопала дверь, шумел мотор автомобиля, кричал чей-то пьяный голос, — и он вздрагивал. Глаза открывались, голова автоматически поднималась, и дразнящий сон уходил прочь. Он опять начинал думать о нахальном и бессовестном поступке своего брата, о непреклонности директора, о разящей речи прокурора, о показаниях свидетелей (он и не подозревал, что так много окажется очевидцев их грязного дела) и, наконец, о приговоре, который так круто изменил Степанову жизнь.

Он умышленно старался думать только об этом, не вспоминая о близких, и не терзать тем самым себя еще больше. Но это удавалось плохо. О чем бы он ни размышлял, Тамара, Лариска и Димка все время стояли перед глазами.

Утром Степан встал весь разбитый. Болела голова, ныло все тело, ломило суставы. Такого с ним никогда не было, будто сквозь барабан комбайна пропустили.

Ночной милиционер, собираясь домой, успел сказать Плешкову, что сегодня ожидается машина с конвоем. Значит, его отправят в тюрьму. Это известие больно кольнуло Степана.

— А как же мои дети? Я что, и не увижу их? — напугался он, прямо обращаясь к дежурному.

— Приедут ваши дети, — хмуро поглядывая на Плешкова, сообщил вчерашний младший лейтенант и не удержался от упрёка: — Хотя за ваше поведение не стоило бы разрешать встречу.

Эта язвительная, без особого умысла брошенная дежурным фраза до глубины души задела Степаново самолюбие. Вместе с тем она напомнила, что он теперь должен зорко следить за каждым своим шагом, за каждым поступком, даже за каждым словом. Ничего лишнего, ничего против правил.

Директорский шофер привез не только Тамару и детей, но и его отца, Ермолая Федоровича. Присмиривший «дед», так его теперь называли и дети, наказывал Степану быть мужчиной, «не распускать нюни, во всем слушаться начальство, блюсти дисциплину, на работу не напрашиваться, от работы не отказываться...» В общем, были высказа-

ны мудрые стариковские советы, извечно повторяющиеся при проводах детей в дорогу.

Заботу о Тамаре и внуках дед брал на себя.

— Ты уже староват, батя. Братца моего привлеки к этому делу, — косясь на дверь, загадочно посоветовал Степан.

— С ним у меня будет особый разговор. С ним я разберусь... — пообещал дед, хмурия кустистые брови.

Дочка почему-то мало интересовалась отцом. Новая обстановка целиком овладела ею. С детским любопытством она рассматривала милиционеров. Пришла в восторг, увидев «ученую» овчарку. Порывалась к окну, где за стеклами по наружной стене подоконника ходили голуби.

Маленький Димка, наоборот, как только увидел отца, забыл обо всем, протянул к нему ручонки, крепко обнял за шею, и Степан с ужасом подумал, как же ему придется расставаться с сыном...

Тамара смирилась со всем. А может, делала вид, что смирилась. Сдерживая слезы, она старалась, чтобы Степан вдоволь насмотрелся на детей, утешил их как-то, сказал что-то... Сунула незаметно ему в карман куклу и игрушечную автомашину — подарки. И он почти тут же передал куклу Лариске, а машину Димке.

— Теперь вот останусь здесь, буду зарабатывать деньги на настоящую машину, — пытался обхитрить сына Степан.

Но Димка не соглашался на такие условия.

— Не-е, папа... Домой, — твердил он упрямо.

Директорский шофер Витя тоже зашел проститься со Степаном. Сначала он молча потоптался у порога, затем, будто решившись на что-то серьезное, снял шапку, подошел к Плешкову и крепко пожал руку.

— Будь здоров, Степа. Побыстрее возвращайся. Директор за тебя беспокоится. Подвел... подвели вы с Димкой... Ну да ладно. В общем, и от него привет и добрые пожелания. Еще раз будь здоров.

Степан работал, не зная сна и отдыха. Руки от рычагов были в кровавых мозолях, в голове постоянно стоял шум моторов, ломило тело. Но он работал, не ропща на судьбу, ожидая в награду условно-досрочного освобождения. И дождался. В один из предпраздничных дней, год спустя после суда, его освободили.

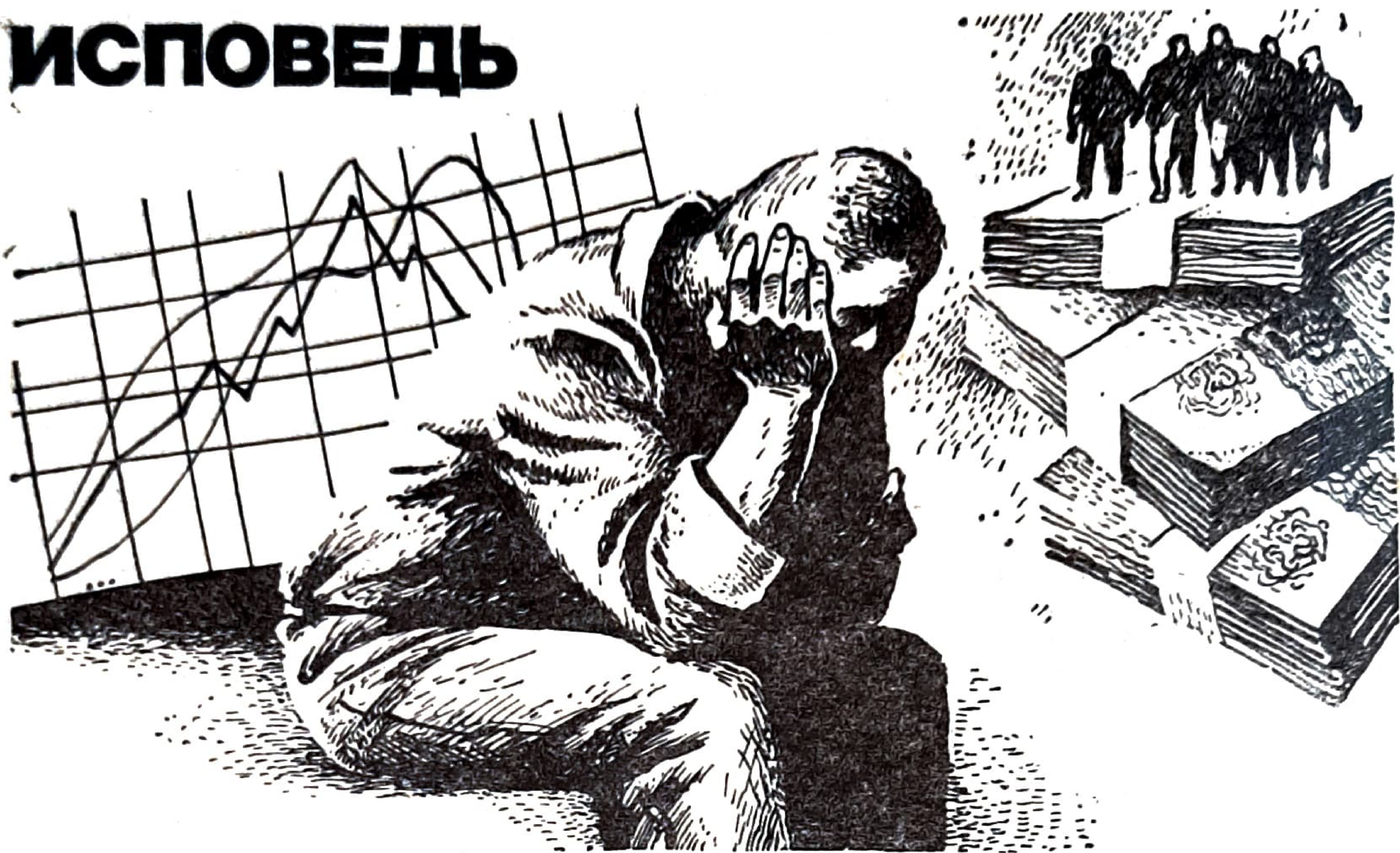
Домой пришел неожиданно, без предупреждения. Похудевший, с какой-то незнакомо-затаенной отметиной на лице. Может быть, это была глубокая борозда поперечной морщины на лбу, может быть, первые седые волосы,

может, сузившиеся настороженные глаза или грубоватый отрывистый голос? А может, все вместе.

С отцом он часто и долго беседует то у себя дома, то при встрече на улице. А брата Дмитрия видеть не пожелал. «Не знаю такого», — коротко ответил. Но как ни крути, работают в одном отделении. Степану дали новый «Кировец». Дмитрий добывает старенький «ДТ». Встречи им, как видно, не миновать.

Василий Носенков

ИСПОВЕДЬ

Почему такую форму — исповеди осужденного — я избрал для рассказа об уголовном деле, которое слушалось в Ленинградском городском суде? Может быть, потому, что основной участник преступной группы — М. Буранголов рассказывал о себе и соучастниках много, достаточно подробно и, как мне показалось, искренне. Слушая его в зале судебного заседания, читая его многостраничные показания, которые мне любезно предоставил следователь ГУВД В. Савченко, я старался понять: почему эти люди преступили законы общества? И решил, изложив в форме исповеди осужденного ход событий, попытаться раскрыть не только причины этого необычного преступления, совершенного работниками НИИ, но и проследить, как шаг за шагом все ниже и ниже опускается нравственно не требовательный к себе человек.

Михаил Скрыбин

Скоро рассвет. В окне, забранном железной решеткой, уже проступают первые вестники утра: гаснут над высоким забором с колючей проволокой на кронштейнах желтые фонари, отделяющие нас от воли, доносится топот сапог меняющихся на вышках солдат. Я ворочаюсь без сна на узкой железной койке, вставленной всеми четырьмя ножками в спинку нижней. На ней оглушительно храпит уголов-

ник из «блатных», осужденный за попытку ограбления сберегательной кассы. Здоровый, молодой парень, похоже, мой ровесник. Меня он просто не понимает. Не понимает, как не понял бы житель высокоразвитой страны аборигена, прибывшего с острова, затерявшегося в каком-нибудь океане. Я же с высоты своей койки пытаюсь мысленно возвыситься над ним. Но понимаю, что выбор койки равнозначен выбору места в плацкартном вагоне — нижнее для привилегированных пассажиров. И еще я знаю, что перевязаны мы с ним одной веревочкой: оба воры. Только разной квалификации. Он попался потому, что оказался технически не подготовленным к разгадке системы охранной сигнализации кассы, я же... видимо, оказался чересчур грамотным. Уверовал, что для меня не существует никаких законов и запретов. Еще бы — «растущий ученый, близкий к открытию нового метода разделения изотопов».

Вспоминаю суд, речь прокурора. Грозную речь... Жалкие потуги моих приятелей представить суду свои поступки и преступления в выгодном для себя свете... На суде особенно ярко выявился характер каждого. Кто юлил, кто беззастенчиво врал и валил на других... Однако суд выдал каждому на полную катушку. Мне — пятнадцать лет, как зачинщику преступления.

...Как могло случиться, что я, сотрудник научно-исследовательского института, автор ряда опубликованных научных работ, имеющий премии и благодарности, очутился в колонии усиленного режима, стал уголовным преступником, начал воровать?!

Работал я старшим инженером научно-исследовательского сектора Ленинградского гидрометеорологического института Министерства высшего и среднего специального образования РСФСР.

И работал хорошо. Брался за самые сложные темы и успешно с ними справлялся. Скоро мои способности были оценены руководством. С моим участием было заключено пять договоров на научно-исследовательские работы по сложнейшим темам.

Приказом по институту я возглавил группу сотрудников сектора. Сделали мы все в срок и на высоком научном уровне. Об этой работе заговорили в научных кругах. И первый голос, который я услышал, был голос старшего инженера кафедры одного очень уважаемого учебного заведения. Он предложил мне заключить с его вузом хозяйственный договор по довольно неясной теме.

— Гарантирую, что научный отчет о проделанной работе будет принят заказчиком... — многозначительно закон-

чил свое предложение он. И намекнул, что деньги будут перечислены нам за работы, выполненные только в отчетных документах. Но как? Со мной в предыдущих экспедициях принимали участие три дружка: назову их здесь по кличкам — Бэн, Эд и Кролик. Я давно уже заметил, что живут они в поездках не по средствам, пьянствуют, не заботятся о деньгах.

Бэн мгновенно оценил выгоды такой ситуации и провел со мной «техминимум» о способах обогащения в подобных условиях. По его рекомендации я засел за тщательное изучение положения о нашем научно-исследовательском секторе и стал замечать, что за каждой его строчкой кроется золотая жила.

В положении значилось: сотрудники НИС выполняют научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы по хозяйственным договорам. К договорам прикладываются подписанные сторонами техническое задание, научная программа, календарный план работ, штатное расписание, расчет расходов на оплату услуг сторонних организаций, сметная калькуляция, в которой должна быть указана сумма заключенного договора, денежные средства, отпускаемые на заработную плату, премии, командировки, накладные расходы, приобретение материалов и оборудования, прямые затраты на научно-исследовательские работы, экспедиционные расходы и т. п.

Если необходимо провести экспериментальные исследования, ответственный исполнитель формирует научно-исследовательскую экспедицию. Возможны проведения научно-исследовательских работ в полевых условиях. Состав экспедиций формируется в основном за счет сотрудников НИС, но могут быть включены и совместители. Приказом назначается начальник экспедиции, его заместитель, начальники отрядов, научный руководитель, члены экспедиции, а также ответственный за документально-финансовую отчетность на период проведения экспериментальных работ.

Начальник экспедиции составляет смету расходов, куда включает затраты на полевое довольствие, проезд к месту экспедиции и обратно, почтово-телеграфные расходы, ремонт оборудования, аренду помещений, транспортные расходы, наем рабочих, вьючных лошадей и пр.

По расходным кассовым ордерам начальник экспедиции получает в бухгалтерии наличные денежные средства, предусмотренные сметой на экспедиционные расходы. В период полевых работ он лично производит расчет со всеми участниками экспедиции и расходует деньги на нужды, предусмотренные сметой. По окончании полевых работ он

же составляет авансовый отчет с приложением расходных документов, в том числе ведомостей на выплату участникам экспедиции всех видов довольствия. После выполнения темы составляется научно-технический отчет, который подписывается начальником НИС, научным руководителем темы и утверждается ректором института.

Почему я так детально останавливаюсь на положении? Да потому, что оно и составлено так, чтобы нечистый на руку человек мог им пользоваться по своему усмотрению. Бэн прав: все действительно очень просто. Надо только организовать фиктивную экспедицию по теме, лучше не одну, чтобы легче было запутать руководителей, а там уже... И выплаты на разъезды людям, которые никуда не выезжали, начисление и выплаты путевого и полевого довольствия лицам, в экспедициях не принимавшим никакого участия, списание денежных средств на аренду якобы для нужд экспедиции помещений, транспорта и снаряжения по фиктивным договорам, заключенным с отдельными гражданами и организациями, начисление и выплата денег по фиктивным документам за полеты, проводимые якобы на арендованных самолетах и вертолетах в экспедиционный период.

Я оказался понятливым учеником.

Через несколько дней договор по теме «Теоретические и экспериментальные исследования атмосферного электричества» был заключен. Сумма на первый раз была крайне скромной — 20 тысяч рублей.

Ответственным был назначен я. Ректор подписал приказ о создании экспедиции. Этим же приказом я был назначен начальником.

Моим заместителем был Бэн, сотрудниками — Эд, Кролик, Гром и другие. Многие и не подозревали, какой липой нам предстоит заниматься. Смета была утверждена, командировочные удостоверения оформлены, я получил в кассе под отчет 15,6 тысячи рублей наличными.

И мы с Эдом и Кроликом стали собираться в дорогу по намеченным точкам нашей несуществующей экспедиции, чтобы собрать там использованные пассажирские железнодорожные, авиационные и автобусные билеты. Там же, в различных государственных учреждениях, надлежало отметить даты приезда и отъезда в командировочных удостоверениях.

Мне оставалось только удивляться — до чего легковеры люди. Никто не спросил, почему у каждого из нас по несколько удостоверений. Никто не проверил — действительно ли проводятся какие-либо работы. Деньги мы пока

тратили аккуратно, и только Бэн, получив от меня авансом 2000 рублей, сразу расплатился с наиболее свирепыми кредиторами (из-за безудержной пьянки он был всегда в долгах).

Вспоминаю, как мы, солидные люди, научные сотрудники института, шарили по урнам на конечной автобусной станции в горном поселке Терскол, выуживая из них выброшенные билеты... За рюмкой водки Бэну удалось там же, в гостинице «Иткол», получить фиктивный счет и незаполненный бланк — приходный ордер гостиницы с печатью и штампом «оплачено».

Завершив «дела» в Терсколе, мы вылетели в Душанбе. Так же как в Терсколе, нашлись добрые тети и дяди, которые заверили нас фиктивные командировки.

Внезапно Кролик попросил меня отпустить его обратно в Терскол, вроде бы для продолжения там сбора билетов. Ну что же, решил я, дело полезное. И только много позже стало известно «художество» Кролика. В Терсколе он устроился работать в альпинистский лагерь «Эльбрус» инструктором и деловито получал там зарплату, числясь в командировке по нашей теме. А мы, теперь уже втроем, продолжили свои путешествия по разным городам, собирая билеты и пустые бланки для фиктивных счетов.

Бэн и тут оказался на высоте: не бросая «работу», он вызвал к себе жену с сыном и совершил с ними увеселительный круиз по маршруту Вильнюс — Львов — Винница — Кишинев — Новороссийск. Затем, оставив семью отдыхать в Джубге, отбыл в Краснодар и Нальчик.

Деньги, даже очень большие, имеют одно отрицательное свойство — они кончаются. А привычка иметь их остается. Пришлось срочно составить дополнительную смету, придумав причины повышения экспедиционных расходов. Начальник НИС без всякой проверки ее подписал. С кругленькой суммой, полученной под отчет, я снова отправился в путь.

В Каунасе на аэродроме меня ждал Бэн. В жалкой фигуре с заискивающей улыбкой на бледном, опухшем лице трудно было узнать всегда нахального, самодовольного Бэна. Неужели кому-то стало известно о наших махинациях? Но все оказалось значительно проще. Он встретил свою старую знакомую и, по его выражению, «запылил с ней на всю катушку». Однажды в кафе «Три сестры» он просто уснул, а проснувшись, не обнаружил ни знакомой, ни паспорта, ни денег. Заявлять о пропаже в милицию Бэн не решился и ждал моего приезда как великого избавления от всех невзгод...

Но мои тревоги не были безосновательны. Первый сигнал прозвучал, когда администрация института отказалась оплатить счета Бэна, заподозрив в них что-то неладное. Вот тут нужно было остановиться, опомниться, и, будь я один, наверное, так бы и поступил, но оказалось, что я недооценил своего дружка. В жалобе, направленной в Москву, он грозно обрушился на бюрократическое отношение администрации ЛГМИ к человеку, к научному работнику, пожаловался на бедственное положение его семьи, оставшейся без средств к существованию из-за того, что ему не были возмещены деньги, которые он якобы уплатил из собственного кармана. В Москве жили и работали тоже добрые дяди, и в результате бухгалтерия приняла счета к оплате.

Вторым тревожным звонком прозвучал отказ одной из сотрудниц расписаться в платежных ведомостях за фиктивное участие в экспедициях. Она не только отказалась расписаться, но просто выгнала Бэна из дома, пообещав довести вопрос о жульничестве до сведения администрации института. Как жаль, что она эту угрозу не осуществила. Может быть, теперь мой срок пребывания в колонии был бы намного меньшим.

Но Бэну я все же в подметки не гожусь. Он принял гениальное по своей простоте и действенности решение: расписываться в ведомостях самим, элементарно подделывая подписи. В дальнейшем по таким скользким вопросам мы уже ни к кому не обращались. Таким образом стали составляться ведомости на выплату полевого и путевого довольствия, платежные ведомости на проезд к месту экспедиции и обратно. База же для составления авансовых отчетов у нас уже была довольно солидная. Только за полгода мной, Бэном, Эдом и Кроликом было собрано 70 авиационных билетов, 35 железнодорожных, 1003 автобусных и множество квитанций за пользование постельными принадлежностями. Оправдательных документов у нас уже было вполне достаточно.

Но ведь кроме финансовой отчетности требовалась и научная. Вот тут я превзошел даже изобретательного Бэна. У меня скопилось по примерно таким же темам много переведенных на русский язык статей из различных зарубежных журналов. И Бэн с помощью своей жены, работавшей демонстратором женской одежды в Доме моделей и не имевшей ни малейшего отношения к какой-либо науке, путем механического переписывания статей за несколько дней благополучно составил научные отчеты по важнейшим темам, которые и приняли представители заказчика. Никаких

замечаний от них, как и следовало ожидать, не последовало.

За полгода «чистый навар» составил у нас 24 339 рублей. Что ж, для начала неплохо, решили мы, можно двигаться дальше.

Честно работать я уже не мог. А для того, чтобы темы приносили личный доход, нужны покладистые заказчики, глядящие сквозь пальцы на недовыполнение ряда пунктов технического задания. И заинтересованные представители заказчика нашлись. И я, как руководитель группы НИС, тут же заключил два новых договора.

Однажды, подсчитав прибыли, мы определили, что за два года приработали в дополнение к основным видам заработной платы 55 962 рубля. Но такие шальные деньги как приходят легко, так и уходят. И я очутился «на мели». Увы, одна неприятность тянет за собой другие: ректор решил поглубже проверить целесообразность произвольного изменения смет. И результат не заставил себя ждать. «За неудовлетворительную организацию и проведение экспедиций, произвольное изменение смет» мне объявлен выговор с лишением права возглавлять экспедиции. Можно сказать, дешево отделался, но... Но я обиделся и — перешел в другой научно-исследовательский сектор. Там система хищений снова была приведена в действие.

Самым странным было то, что наша «контора» могла бы существовать еще не один год, если бы не случай, не имеющий к делу никакого отношения. Как-то попросили меня продать золото. Передали мне слиток весом 140 граммов и порекомендовали добавить в него немного серебра и меди для увеличения веса. Это оказалось несложным. Но стоило мне с золотом в кармане подойти к покупателю, как словно из-под земли выросли два милиционера и пригласили следовать в отделение. С этого момента начался крах нашей конторы.

Осужденные на разные сроки, мы будем отрабатывать нанесенный государству ущерб. А вот как мы возместим ущерб моральный?..

СЮРПРИЗЫ «ПУСТОЙ РУКИ»

Просторный зал ресторана по-вечернему был гулко шумен. Курилов не искал глазами ни свободного столика, ни официанта. Он не привык этого делать, а точнее — с некоторых пор отвык. Официант возник перед ним, будто только и ждал его появления. И тут же усадил за стол, проворно убрав с белоснежной скатерти табличку: «Не обслуживается».

— Как всегда, шампанское...

В услужливом голосе официанта не промелькнуло и тени вопроса. Скорее — вежливое напоминание о том, что привычки и вкусы Курилова здесь ценят и не забывают.

— Не угадал, дорогой, — усмехнулся тот. — Сегодня я банален, как весь твой шалман. Давай коньяк и минеральную. А закусочку действительно как всегда...

В этот апрельский вечер Курилов, пожалуй, и не сиделся бы в ресторане, не окажись за соседним столом веселая и разговорчивая компания. Полностью мужская. Пьющая на свои, кровно заработанные. Курилов это усек с ходу, заметив, как сосредоточенно долго соседи изучали стоимость блюд и, шевеля губами, подсчитывали общую сумму. Разговор у них прыгал, как шарик пинг-понга, с одной темы на другую, но в общем-то круто был замешен на зависти к какому-то мужику, умеющему «делать деньги из ничего».

— Купил — перепродал втридорога. С этого и живет. Да еще и как! Не квартира у него, а антикварная лавка, — донеслось от соседей.

«Стоп! — сам себе приказал Курилов. — Хватит жрать коньяк в одиночку. Пора поделиться с добрыми, симпатичными людьми, у которых, наверное, едва хватает только на водку».

Через несколько минут он уже сидел с ними, и официант, подобострастно подчеркивая свое внимание к компании, заменял водочные рюмки на коньячные. Выудить у захмелевших соседей адресок богатого антиквара не составляло никакого труда. Курилов сказал своим случайным знакомым, что он тоже коллекционирует «обломки прошлого» и был бы рад поближе познакомиться со своим собратом. «Вы зря на него бочки катите, — вдохновляясь собственным враньем, говорил он. — Таким людям цены нет. Они же собирают то, что у других людей все равно пропало бы. А если что и продают, так не из корысти. Деньги нужны для новых приобретений». Заодно, так сказать, к слову, Курилов разузнал и о некоторых подробностях семейной жизни «бескорыстного хранителя обломков прошлого», и о том, чем же еще он увлекается.

Расстались они прямо-таки друзьями. Записывая телефоны, Курилов, не надеясь на память, черкнул самый для него желанный адресок, фамилию, имя, отчество. Великодушно дал и свой телефон, назвав наугад семь цифр. А утром, едва очнувшись от сна, начал названивать своим приятелям, интригуяще приглашая их для важного разговора. Разумеется, в ресторан. В тот самый, где, как он считал, вчера вечером ему крупно повезло.

В назначенное время все были в сборе. Не смог приехать только Данилкин — единственный из шестерых, еще не бросивший работу каменщика на Южном кладбище. Пятеро же — сам Курилов, Агапов, Панкрев, Макеев, Топоров давно забыли, где и когда честно трудились. Об этом не могли точно сказать даже их родные и близкие, даже жены (у кого они были), отнюдь не считавшие своих мужей тунеядцами. Какие же они тунеядцы, если аккуратно, каждый месяц, приносят домой вполне приличные деньги, одеваются по моде, не скупаются на расходы, связанные с поездками на юг, семейными праздниками!

Нет, вся эта пятерка приятелей — молодых, образцово здоровых, в меру пьющих — ни у кого не вызвала даже мысли о том, что их можно назвать тунеядцами. Евгений Топоров учился в Педагогическом институте имени Герцена, бросил его, увлекшись боксом, а позже занялся и ка-

ратэ. Когда его спрашивали о месте работы, он с чувством превосходства насмешливо отвечал вопросом на вопрос: «В кино хоть иногда ходишь? — И охотно втолковывал: — Если ходишь, должен знать. В фильмах, например, «Стрелы Робин Гуда», «Старшина» все самое интересное исполняю я. С высоты пятьдесят метров у нас в Союзе кто-нибудь прыгал?» Спрашивающий обычно чувствовал себя неловко. Даже если он смотрел эти фильмы, в лучшем случае обращал внимание на фамилии актеров и режиссера. Каскадер же, а Топоров действительно исполнял головокружительные трюки в этих картинах «Ленфильма», чаще всего остается не замеченным зрителем.

Александр Панкрев закончил исторический факультет Ленинградского университета, служил в армии, демобилизовался, получил звание мастера спорта по боксу. Когда накатилась волна увлечения каратэ, занялся и этим экзотическим видом спорта. Ему особенно пришлось по душе, что, в отличие от боксера даже средней квалификации, каратист легко может отправить не только в нокдаун, но и на тот свет человека самой крепкой физической закалки, самого тяжелого веса. В сущности, перед каратистом беззащитен любой человек. Физическую победу над ним решает прежде всего знание самых уязвимых жизненных центров, способность в неуловимое мгновение обрушить удар ногой или рукой силою свыше тонны.

Похвалиться успехами в овладении секретами этой борьбы Панкрев не мог, но зато был горазд в рассуждениях о магической силе каратэ, особой роли «пустой руки» (кара — в переводе с японского — пустая, тэ — рука) в постижении «истины бытия и смысла жизни», в тренировке психики, способности отключать человека от всего суетного, что мешает осуществлению главного его предназначения. Этим главным для Панкрева была выношенная им еще в безмятежные и безденежные студенческие годы идея: найти «клад Наполеона», якобы утопленный в озере при бегстве французской армии из России.

План поиска клада был разработан им в деталях, предполагаемая стоимость извлеченных ценностей рассчитана в рублях и долларах по курсу начала прошлого века и сегодняшнего дня, по номиналу и индексу цен на международном рынке. Как ни считай, числа получались астрономические. Они туманили вполне трезвую голову Панкрева, будоражили воображение. В сравнении с ними, этими многозначными числами, расходы на поиски клада выглядели сущими пустяками. Главной статьей расхода был обещанный одним спекулянтом шведский прибор, способный, как

тот уверял, обнаружить благородные металлы на значительных глубинах. Спекулянт запрашивал за него десять тысяч.

Генеральной идеей извлечения клада со дна озера Панкрев поделился со всей пятеркой своих приятелей. Вначале он думал заняться этим в одиночку, но потом понял, что без их крепких, мускулистых рук никак не обойтись. Приятели по-разному отнеслись к предложению своего идейного вожака, но в одном были единодушны: надо добывать деньги. И чем больше, тем лучше. Прежде чем отправиться к золотоносному озеру, нужно ведь и погулять, и расплатиться с долгами, которых накопилось предостаточно. Как ни прибыльно вести занятия по каратэ в никем не контролируемых, незарегистрированных секциях, денег при их образе жизни не хватает. А как их хватит, если для всей пятерки (Данилкин не в счет, он занят работой) стало привычкой обедать и ужинать в ресторанах, из всех видов городского транспорта признавать только такси, из напитков — коньяк и шампанское.

Заработок на наивности мальчишеских ватаг, решивших стать каратистами, был приличен, но неровен. Кандидат в мастера спорта по дзюдо Вячеслав Агапов, ухитрившийся стать аттестованным тренером по каратэ, деньги греб где только мог. У него одного из всей компании была надежная «ксива», остальные — Макеев, Топоров, Курилов, Данилкин — тренировали группы подростков на свой страх и риск. В случайно арендованных помещениях, в жилищных конторах, прикрываясь вывеской спортивной секции по дзюдо или боксу. Тренировали, случалось, не по одной группе, набирая в нее столько ребят, сколько вмещало помещение. Принцип отбора был железный: чем больше, тем лучше. Не обходилось и без неприятностей. То родители начинали домогаться, а чем это занимается их сын, похудевший за месяц на два килограмма, то вдруг общественность, милиция стали интересоваться: как учите, чему, по какой методике, имеете ли профессиональное право, не калечите ли юные души...

Иногда приходилось и бросать группу, набирать новую. Какая же это жизнь, какие заработки — одни заботы! А к этим заботам еще и долги, растущие как грибы после теплого дождика...

Встреча в ресторане по телефонному звонку Курилова, его рассказ о неожиданно «подаренном» адресе то ли богатого коллекционера, то ли спекулянта антикварными вещами вдохнули надежду на то, что одним махом, в один день можно поправить свои финансовые дела. На этот раз

без каратэ, без этих унижительных сборов червонцев с каждого ребячьего носа. Впрочем, почему без каратэ? Нет, «пустую руку» сдавать в архив не надо. Она — надежная помощница в таком рискованном деле, как ограбление квартиры среди бела дня. Она, даже не вступая в действие, как бы дает право подчинять своей власти других, дарует незнакомое простым смертным чувство превосходства над ними. Не случайно же шестерка приятелей и нашла друг в друге родственные души (при всем различии характеров, образования, приобретенных, но не используемых профессий) не на школьной или студенческой скамье, не в трудовом коллективе, а на тренировках по каратэ.

Курилов без обиняков изложил идею ограбления квартиры Арнольда Пуставина*. План «операции» предлагал разработать сообща, на трезвую голову. Главное, в чем он был уверен, — в квартире есть ценности, и большие.

Его попросили в подробностях и деталях воспроизвести все, что он узнал об этом Арнольде Пуставине. Курилов добросовестно рассказал. После долгих споров решили: понаблюдать за квартирой несколько дней подряд, заметить, когда уходит и приходит Пуставин, отлучается ли в это время его жена, открывает ли на звонок дверь.

Недели через две они знали весь распорядок дня Пуставина и его жены. Убедились, что дверь она не откроет и номер: «Я — водопроводчик» — не пройдет. Так же, впрочем, как и почтальон, страховой агент, техник-смотритель жилконторы, сосед, оказавшийся без спичек...

На ограбление выехали втроем: Данилкин за рулем собственных «Жигулей», Курилов и Агапов. По дороге к дому Пуставина, как и было намечено, Курилов позвонил из телефонной будки. Представившись знакомым Пуставина и посетовав, что его нет дома, он предложил: «А что если я без него завезу одну вещьцу? Он очень просил...» Жена Пуставина согласилась, назначила точное время.

Еще в машине Агапов натянул на голову парик, надел солнцезащитные очки. Данилкин остался в машине, двое поднялись на нужный этаж. Позвонили. Вошли вежливо, вытерли о половичок ботинки. Курилов попросил клочок бумаги, присел у столика якобы написать записку Пуставину. Ничего не подозревавшая женщина устроилась на диване.

— Спокойно! Грабеж! — не повышая голоса, сказал Агапов, приставив к ее шее нож. И приказал: — Ложись лицом к стене!

* Фамилия изменена.

Пока Агапов связывал полотенцем руки женщины и надевал на ее голову наволочку, Курилов взламывал тумбочку. В сильных, тренированных руках крепкое дерево хрустело, как хворост...

Грабители забрали в квартире золотые серьги, кольца, перстни, цепочки, музейной ценности старинные английские часы с боем, деньги. Не побрезговали взять даже рубашки и кроссовки, в которых Данилкин затем щеголял до самого ареста.

— Все равно на этот чертов прибор не хватит! — подсадовал Данилкин, когда они с карандашом в руках прикинули приблизительную стоимость награбленного.

— На какой это прибор? — насторожился Агапов.

— Ну, тот, про который талдычит Сашка: клад Наполеона искать. Ради же этого мы и пошли на дело...

Агапов сбычился, и лицо его приняло свирепо-устрашающий вид, будто он изготовился к каратистской схватке.

— Про клад забудь! Хватит в бирюльки играть! Как видишь, золото и всякие там ценные побрякушки лежат не только на дне озера...

Данилкин лепетал что-то об идее всей жизни Александра Панкрева, про клятву, данную ими всеми как-то в подпитии: пойти на что угодно, но осуществить ее.

Курилов хохотал:

— Еще один чокнутый романтик! Не многовато ли на честную компанию?

Агапов, подобрев лицом, начал делить добычу. обстоятельно, спрашивая совета, чтоб не было обиды. В тот же вечер они отправились в ресторан отмечать удачу...

После ограбления квартиры Пуставина были и другие преступления. Но именно это, первое, утвердило участников разбойной шайки в том, что им все дозволено, что всякие там сантименты, угрызения совести, чувство вины перед самим собой и людьми только расслабляют волю, сковывают дух настоящего бойца-каратиста. Недаром же, как рассказывают близко знавшие Агапова, еще задолго до ареста он убежденно повторял: «Каратист должен пройти все. В том числе и зону» (зона — территория исправительно-трудового учреждения, подлежащая обязательной охране. — Авт.).

Его доморощенную философию разделяли и другие. Мастер спорта по боксу, тоже подавшийся в тренеры по каратэ, Евгений Топоров и во время следствия, и на суде фактически так и не признал себя виновным. Он не отрицал, что участвовал в двух ограблениях. А вину — отрицал начисто. Он ее не чувствовал, не осязал ни сердцем, ни

умом. Он сознательно вырабатывал в себе жестокость и нравственную глухоту, делая это с такой же обстоятельностью, с какой приучал свое тело выносить самые сильные каратистские удары.

На одно из ограблений они отправились втроем: Топоров, Панкрев и Макеев. Так случилось, что в этот день Панкреву не с кем было оставить четырехлетнего сына. «Может быть, без меня справитесь?» — заикнулся было он. «Ишь ты, любящий отец! — взъярился Топоров. — У тебя кисельная душа, и сына хочешь вырастить таким? Бери его с собой, пусть с молодых ногтей становится мужчиной!»

И Панкрев, «генератор идей» Панкрев, как, потрафляя его честолюбию, величали его приятели, не посмел отступить, взял сына в машину.

Для проникновения в квартиру на этот раз воспользовались самым банальным приемом: «Откройте! Ленэнерго. Надо снять у вас счетчик». Жена владельца богатой коллекции антикварных вещей доверчиво открыла дверь. И тут же, хватаясь руками за стену, осела на пол. Бил, конечно же, Топоров. Боксер, каратист, он мог «нейтрализовать» беззащитную женщину одним движением руки. Но он ударил кастетом. Топоров и здесь, «на деле», пользовался случаем проявить жестокость и хладнокровие. И проявил сполна. Оглушенную ударом женщину он неторопко, без излишней суеты спеленал лейкопластырем, замотав им и ее лицо. Чтобы, если придет в себя, ничего не видела и не слышала. И только тогда впустил в квартиру Панкрева, охрипшего от напряженного ожидания на лестничной площадке.

«Улов» превзошел все ожидания. Единственное, что серьезно озадачило грабителей, — как сбыть эти ценности? Их познаний в этом деле хватило на то, чтобы догадаться: некоторые из вещей наверняка знает каждый уважающий себя коллекционер. Знает или слышал о них.

Особенно тревожили золотая статуэтка и три полотна произведений неизвестных художников. Панкрев, считавший себя знатоком искусства, лихорадочно перелистал все каталоги — ничего подобного не нашел. Обратиться к специалистам-искусствоведам? Нет, это слишком рискованно. И тогда было решено: картины сжечь, уничтожить, чтобы и духа их не было. Чтобы ни у кого из преступной группы не возник соблазн сбыть их тайком от других.

Трещал разрываемый холст. На пол сыпалась грунтовка. Корчились в огне перекошенные лики святых. Будь Панкрев, Топоров и Макеев не такими духовно дремучими людьми, они, наверное, услышали бы стон и заметили бы,

что с варварски уничтожаемых ими полотен слетает не краска, а брызжет кровь.

Но где им было осознать, прочувствовать все это! Кас-тет и сострадание, суперменство и переживания несовместимы! «Сердце твое должно уснуть. Лицо должно выражать только ненависть и неотвратимость твоей победы. И тогда руки и ноги будут действовать сами — легко и свободно», — выписал, очевидно, из какого-то «научного» пособия по каратэ аттестованный тренер Агапов.

В тот вечер, когда сжигались картины, сердца разбойничьей троицы так и не проснулись. А руки действительно действовали легко и свободно.

— А что будем делать с этим шедевром? Богиня-то, скорее всего, из чистого золота? — соображал вслух Панкрев, крутя в руках изящную статуэтку. — Никуда с ней не сунешься. Небось каждый коллекционер спит и во сне ее видит.

— Нынче граждане о здоровье радеют. Зубки предпочитают золотые вставлять, — отозвался Макеев.

— Выражайся яснее! — одернул его Панкрев, хотя отлично понял, куда клонит Макеев.

— Могу и яснее. Шарахнуть эту девку кувалдой по золотой башке. На худой случай — распилить.

— Тебе бы сборщиком утиля вкалывать! — съязвил Панкрев. — Шедевры мирового искусства в трупы превращать. — Он погладил статуэтку, взвешивая, покачал ее на ладони. — Шарахни такую прелесть кувалдой, и получишь за нее, как за золотой лом. Понимать надо!

Посудив-порядив, решили обойтись без кувалды. Но покупателя искать такого, который не знал бы, у кого он приобретает...

Покупателя они нашли, но погулять на полученные от него деньги им не удалось. Ленинградский уголовный розыск уже неотступно шел по следам их преступлений. Вскоре вся разбойная группа была арестована и после суда отправлена туда, где, по убеждению бывшего тренера по каратэ Агапова, должен пройти самое главное испытание каждый рыцарь «пустой руки».

* * *

В нашу страну каратэ принесла крутая волна интереса к старине, древней истории своего и других народов. Не последнюю роль в его популяризации среди молодежи сыграли легенды, приписывающие «пустой руке» всесокрушающую силу, способную противостоять любому против-

нику с любым оружием. А если ко всему этому добавить те мистические, по-восточному яркие одежды, в которые каратэ обрядили его прародители, то понятнее станут и причины увлечения этим экзотическим единоборством.

Увлечение до тех пор остается благим делом, пока не переходит в моду. В ту моду, которая не знает или не признает разумных границ, диктуется дурным вкусом, нездоровым ажиотажем, коммерческими соображениями.

Нечто подобное произошло и с каратэ. Во многих городах среди спортсменов нашлись и истинные ценители этого необычного вида борьбы, и конъюнктурщики (позже их метко окрестили каратэедами), с чуткостью барометра отреагировавшие на зарождающийся бум. Ценители были за каратэ. Но такое, которое отвечает и духу советского спорта, и бережно переносит на нашу почву все то лучшее, что заложено в этом древнем единоборстве. Иными словами, они предлагали разработать методику обучения каратэ, исключая мистицизм, насаждение культа жестокости и подавления слабого сильным.

«Каратэеды» на словах не возражали против этого. Но они ценили время. Зачем разрабатывать какие-то методики, если они есть готовые — так сказать, в импортном исполнении. Изданные на Западе и в Стране Восходящего Солнца, они пропагандируют каратэ, что называется, в «чистом виде»: со всеми атрибутами культа жестокости, безраздельного господства силы, слепого подчинения новичка воле сэмпая — наставника. Эти наставления преследуют в основном одну цель: убедить непосвященных в том, что им даруется самое что ни на есть настоящее каратэ. Чистопородное. Без кровосмешения. Ведущее свою родословную в одном случае от бога Шивы, в другом — от самого Будды, в третьем — выпестованное двадцать седьмым патриархом буддизма, жившим в V веке нашей эры, Бодхидхармой...

Всеми правдами и неправдами приобрета и переводя эти наставления, доморощенные наставники по каратэ принялись за создание секций, кружков, групп. Где кому удастся: в жилищных конторах и спортивных залах школ, при добровольно-спортивных обществах, в коллективах физкультуры предприятий. Недостатка в желающих за каких-нибудь два-три года стать самыми сильными не было. Как правило, мало было и таких, кого останавливала стоимость обучения, доходящая в отдельных группах до тридцати — сорока рублей в месяц. Разумеется, с каждого ученика.

Между тренерами-«каратэедами» началось негласное соревнование: кто больше наберет новобранцев. И даже

групп. Самые предприимчивые ухитрялись вести не одну группу, а несколько. Чтобы они не оказались на простое, подыскивали себе ассистентов-заместителей. Из числа тех, кто овладел азами техники каратэ, мог выкрикивать на непонятном языке, называемом японским, дюжину команд и отличал ритуальное коленопреклонение от изначальной каратистской позиции. Ни списков групп, ни другого учета и контроля со стороны спортивных обществ и общественных организаций «каратэеды» не признавали. Даже более того, предпочитали вести тренировки при закрытых дверях, учеников предупреждали, чтобы они не говорили посторонним людям, чем и как занимаются, платят ли и какие суммы за обучение. Были случаи, когда даже родители подростков не знали, где и какой вид спортивной борьбы осваивает их сын, что представляет собой программа занятий.

При вступлении в любую спортивную секцию или школу требуется, как известно, рекомендация с места работы, учебы, медицинская справка о состоянии здоровья. Здесь же, в самодеятельных каратистских группах, пропуском на тренировки стали денежные взносы. Кто ты — потенциальный или самый что ни есть реальный хулиган, дружинник или нарушитель общественного порядка — тренера-«каратэеда» не волновало. Плати вперед за месяц и занимайся по наспех составленной программе, в которую ради привлекательности, экзотичности включены никому не понятные ритуальные обряды, мистические заклинания, «кодекс каратиста», обязывающий беспрекословно повиноваться «сэмпая», воспитывать в себе «кондзе». Что стоит за этим таинственным, взятым напрокат «кондзе», каждый самозванный «сэмпай» толковал по-своему. В меру своей осведомленности, убеждений, личных нравственных качеств.

В пропаганде каратэ таким, какое оно есть, в безудержном превознесении его достоинств доморощенные «сэмпай» оказались не одиноки. Что называется, не заглянув в святцы, бухнули в колокола и некоторые газеты и журналы, особенно спортивные. На их страницах замелькали заголовки «В добрый путь, каратэ!», «Спортивная молодость древней борьбы», «Каратэ начинается с поклонов», «Стоит только сделать глубокий вдох...», «Каратэ в Заполярье», «Каратэ в горах»...

Авторы этих восторженных публикаций не взяли на себя труд отделить семена от плевел, снять с лица древней школы «пустой руки» мистическую вуаль, убедительно, доказательно рассказать о том, что и почему в каратэ не может быть приемлемо для советского спорта. «Овла-

девая техникой каратэ, нужно помнить, что вы не просто занимаетесь спортом, а приобщаетесь к наивысшим достижениям физической и духовной культуры многих народов — культуры, порожденной веками упорного труда и дерзновенных исканий», — сообщалось в одной из статей. «Те, кто уже начал заниматься каратэ, — наставительно поучает другой автор, — знают, что, кроме физического совершенства, в этом виде борьбы большое внимание уделяется духовному совершенствованию спортсмена. Честность, принципиальность, чувство товарищества — необходимые качества, без которых не может быть мастера каратэ».

Весьма сомнительные сентенции и обобщения, на которые, кстати говоря, не претендовали и не претендуют даже прародители каратэ и нынешние зарубежные его пропагандисты! Достаточно вспомнить уже цитированное «импортное» наставление, которое пришлось по душе тому же Агапову: «Сердце твое должно уснуть. Лицо должно выражать только ненависть...»

Гипноз восторга «пустой рукой» затуманил голову и тем, кто в первую очередь обязан был дать трезвую оценку каратистскому буму, с научных позиций изложить историю этого древнего единоборства, рассказать о необычайных сложностях овладения его техническими приемами, методикой обучения. В конце концов, предостеречь от опасности изучения каратэ с помощью разных самозванных тренеров. В февральском номере 1979 года журнал «Спортивная жизнь России», «стремясь познакомить энтузиастов каратэ с техническими основами нового вида спорта, а также идя навстречу многочисленным пожеланиям читателей», открыл «Заочную школу каратэ». В третьем номере был дан первый урок.

Спрос на журнал подскочил, как цены на нефть на международном рынке. Десятки тысяч подростков-«энтузиастов» начали осваивать каратэ в подъездах и дворах, «голосуя» за «заочную школу» руками и ногами. Первыми пришли в ужас дворники. Потом родители. А потом и редакция поняла, что сделала что-то не то, и закрыла школу, мужественно сообщив читателям, что отказывается от «первоначального замысла», так как «несколько переоценила свои собственные возможности».

Сплошь и рядом «переоценивали свои собственные возможности» и руководители спортивных обществ, организаций. Первое показательное выступление по каратэ состоялось в Москве еще в 1968 году. Затем секции по этому виду борьбы начали создавать в Ленинграде, Таллине, Тарту, Донецке и других городах. Занятия в них вели энтузи-

асты-одиночки, которые и сами учились как бог на душу положит, и других учили, руководствуясь лишь своим опытом. Комитет по физической культуре и спорту при Совете Министров СССР стоял тем временем в стороне, не взяв на себя заботу ни о подготовке инструкторско-тренерских кадров по этому виду борьбы, ни методических пособий и учебников, ни нормативов спортивной классификации. Каратэ получает права гражданства лишь в ноябре 1978 года, когда появляется приказ Спорткомитета СССР «О развитии борьбы каратэ».

Мягко говоря, странный это приказ. Официально зарегистрировав каратэ как 52-й вид спорта, он, по существу, ничем не обеспечивал не только его развитие, но и нормальное существование. О каком же «развитии» мог тогда идти разговор, если и в помине еще не было ни Положения об аттестации инструкторско-тренерского состава по каратэ, ни пособий даже для первого года обучения! Чтобы не быть голословным, сошлюсь на статью председателя федерации каратэ СССР, опубликованную в газете «Советский спорт» 28 сентября 1979 года, то есть десять месяцев спустя после издания приказа. «В октябре этого года... будет проведен,— пишет он,— всесоюзный семинар для тренеров и судей. Надеемся, что это мероприятие поможет нам выявить специалистов, которым будет предоставлено право преподавать каратэ и осуществлять судейство различных соревнований». Далее он сообщает, что представители союзной федерации каратэ побывали не только на европейском первенстве, «но и на турнире в Таллине, где демонстрировали мастерство каратисты Финляндии, Эстонии, Латвии, Москвы».

Как ни сопоставляй даты и факты, концы с концами не сходятся. Десять месяцев спустя после вступления в силу приказа о развитии в стране каратэ председатель федерации лишь собирается «выявлять специалистов, которым будет (разрядка моя. — Авт.) предоставлено право преподавать каратэ и осуществлять судейство». Невольно возникает вопрос: а кто же тогда судил на соревнованиях в Таллине, на первом городском турнире Ленинграда, проведенном еще в ноябре 1978 года? Кого и на основании каких объективных данных провозгласили чемпионами Ленинграда задолго до того, как вступили в силу так запоздало разработанные Спорткомитетом СССР нормативы спортивной классификации по каратэ? Да и как можно было проводить ответственные соревнования, давать официальные разрешения на открытие во всех союзных республиках, во многих коллективах физкультуры, в

том числе на предприятиях, секций борьбы каратэ, если к этому никто еще не был готов? Это не чье-то дилетантское мнение. Это авторитетное заявление на страницах печати начальника Управления спортивных единоборств Спорткомитета СССР, признавшего: «Сегодня нет ни одного специалиста, который мог бы изложить учебно-методическую программу по каратэ от «А» до «Я». Большинство секций возглавляются энтузиастами этого вида единоборства, которые самостоятельно каким-то образом познали основы каратэ».

«Каким-то образом» познавали тайны «пустой руки» не только энтузиасты. Пока высокие спортивные инстанции решали, каким должен быть пятый вид спортивной борьбы, пока он пробивал себе дорогу на спортивную арену, пышным сорняком расцвела спекуляция на интересе молодежи к каратэ. Не только в жилконторовских клубах, но и в прекрасно оборудованных залах некоторых спортобществ вольготно обосновались дельцы от каратэ, использующие официальную вывеску для своих корыстных целей. Они сами сочиняли программы занятий, сами определяли, чему и как учить, сами, без рекомендаций и надлежащего контроля учебных или трудовых коллективов, общественных организаций, вели набор в секции и группы.

В 1979 году Спорткомитет СССР наконец-то провел первую аттестацию тренеров и судей, вручив соискателям «пустой руки» удостоверения «Тренер по борьбе каратэ». В числе несомненно достойных этого звания оказалось немало и таких, кого и близко нельзя подпускать к воспитанию молодежи. И это не случайный промах. Ведь единственным критерием аттестации служила рекомендация, что называется, с мест. То есть из тех же доморощенных каратистских секций, многими из которых заправляли дельцы. Направление на всесоюзный учебно-тренировочный семинар подписывали формально спорткомитеты, а фактически диктовали свою волю «каратеды». Гипноз таинственной «пустой руки» дал о себе знать и здесь. Каждому городу, спортобществу хотелось иметь больше, чем у других, аттестованных тренеров. Чтоб при случае можно было сказать: мы родоначальники советского каратэ!

Из ленинградских спортобществ пальму первенства по числу аттестованных тренеров захватил «Спартак».

Недавно Ленинградский городской суд приговорил к трем с половиной годам лишения свободы В. М. Каменева, методиста общефизической подготовки платных групп при жилищно-эксплуатационном тресте № 2 Дзержинского района. Говоря языком Уголовного кодекса, он осужден

за «занятие запрещенным промыслом» и по другой статье — за «изготовление или сбыт порнографических предметов». Вторая статья никакого отношения к каратэ не имеет, а вот первая...

Лет десять назад Каменев был тихим и скромным парнем. Учился заочно в институте, подрабатывал и лоточником от столовой, и подносчиком багажа в гостинице. Увлёкся дзюдо, стал тренером, но когда поднялась каратистская волна, понял: вот оно, золотое дно! Нет, «каратэедом», в том смысле, в каком это слово применимо к другим тренерам-самозванцам, он не стал. Попробовал было и отказался: показалось слишком хлопотным делом. Зато преуспел в другом: в спекуляции на интересе к каратэ.

Знакомство с самыми предприимчивыми «каратэедами» распахнуло перед Каменевым двери клуба «Олимп» добровольно-спортивного общества «Спартак». С легкой руки аттестованного тренера по каратэ В. И. Илларионова, верховодившего в клубе всеми делами, «Олимп» стал опорным пунктом тренеров-соискателей «пустой руки» детско-юношеской школы каратэ, существовавшей до конца 1981 года. Здесь же обосновалась и каратистская сборная команда «Спартака», возглавляемая Илларионовым. На первых Всесоюзных соревнованиях по каратэ он стал золотым призером и даже абсолютным чемпионом страны. Этого оказалось достаточно для того, чтобы Ленгорспорткомитет поспешно назначил его старшим тренером сборной Ленинграда. Самовлюбленность, зазнайство, гипертрофированный индивидуализм — все это было прощено Илларионову. Ради чего, спрашивается? Слепое увлечение каратэ, неумный восторг физической (силовой) стороной этого вида борьбы незаметно, но логично привели некоторых организаторов спортивно-массовой работы к однозначному толкованию расхожего афоризма: «В здоровом теле — здоровый дух».

Здоровье у Илларионова действительно отменное, а вот дух — нечто противоположное. Деляга Каменев отлично знал об этом, предлагая Илларионову и другим членам тренерского совета «Олимпа» организовать в клубе просмотр заполученных за рубежом видеофильмов, пропагандирующих фантастические возможности «пустой руки». Хочешь посмотреть, как супермен-каратист сокрушает на своем пути все и вся — рушит железные ограды, ломает хребты тигров, сворачивает уши и носы, — гони пятерку. Понравилось — приходи с пятеркой еще раз. Другой фильм демонстрирует всемогущую силу «духа» каратэ, спо-

собного подчинять своей воле кого угодно: хоть недоступную красавицу, хоть разъяренного зверя.

В качестве «наглядных пособий» по каратэ Каменев предложил видеофильмы «Смертельный коготь наносит удар снова», «Змея в тени обезьяны», «Двое с черными поясами» и другие. «Эти фильмы,— говорится в заключении экспертной комиссии, представленном суду,— пропагандируют ненависть к человеку, культ насилия и вседозволенности, способны породить страх, отчаяние и безысходность».

Тренерский совет «Олимпа», состоящий из каратистов В. И. Илларионова, А. Б. Осипова, А. Т. Дьячкова, М. И. Ройтмана, придерживался, судя по всему, иного мнения. Именно он, совет, и дал «добро» на демонстрацию этих фильмов, организовал им рекламу, сбор денег. Как было установлено следствием и судебным разбирательством, Дьячков стоял у входа в клуб, получая мзду для Каменева.

Суд убедительно доказал, что пламенной страстью Каменева был не спорт, а нажива. Ни он, ни члены тренерского совета «Олимпа», ни начальник жилищно-эксплуатационного треста № 2, где числился Каменев методистом, так и не дали вразумительного ответа, в чем же состояли его обязанности.

«Работы» Каменеву хватало и без этого. Кроме демонстрации каратистских видеофильмов он еще, как говорится в обвинительном заключении, «изготавливал, распространял, рекламировал с целью распространения изображения порнографического характера».

За этой краткой юридической формулировкой — еще один способ наживы пылающего страстью к спорту Каменева: спекуляция на порнографии. Через знакомых, бывающих за рубежом, иностранных туристов он приобретал порнографические видеофильмы. А наживался не столько на их демонстрации «избранному кругу», сколько на продаже сделанных им самим же копий. Спекуляция порнопродукцией была поставлена на поток. В числе вещественных доказательств, приобщенных к уголовному делу Каменева, значатся видеоманитофоны «Хитачи», «Сони», «Дживиси», цветные телевизоры «Филипс», «Финлюкс», «Радуга-716», 36 видеофильмов. О размахе этой частнопредпринимательской деятельности в какой-то мере свидетельствует и конфискованное по приговору суда имущество: «Жигули», 65 серебряных цепочек и 60 кулонов, 16 ценных икон...

К сожалению, на этом преступлении, созревшем на благодатной каратистской почве, нельзя поставить точку. В 1981 году трое приятелей-каратистов — тренер по классической борьбе и каратэ общества «Спартак» А. Е. Герасимов, преподаватель физкультуры каратист-любитель Е. В. Осипов и ранее дважды судимый А. А. Матвеев, крепко выпив после тренировки, приехали в пивной бар. Добавить оказалось не на что — деньги кончились. Свои кончились, а у бармена, как они пораскинули умом, были. И он, бармен, так соблазнительно шелестел купюрами, подсчитывая дневную выручку. Понимая друг друга без единого слова, они закрыли бар изнутри, уборщицу загнали в посудомойку: «Сиди там и не высывайся!» Специалистом по вытряхиванию денег из чужих карманов считался Герасимов. Осипов на такие дела не отваживался. Пить и гулять на «вытряхнутые» Герасимовым червонцы мог, а свои руки уголовщиной еще не пачкал.

Герасимов преотлично справился и один. Коротким тычком-ударом он свалил бармена на стойку. Внятно, но без лишнего шума сказал-продиктовал: «Выкладывай деньги сам. По карманам шарить не буду!» Придя в себя, бармен выложил деньги.

В тот же вечер Герасимов, Осипов и Матвеев были задержаны работниками ГАИ. Все трое хмельные, они ехали на угнанном такси в ресторан...

Пальма первенства по числу аттестованных тренеров-каратистов принесла ленинградскому «Спартаку» не славу, а горькие плоды. Грязная накипь каратистского ажиотажа замарала самые благие намерения — обогатить спорт еще одним видом борьбы, взяв от древнего восточного искусства «пустой руки», от разных ее школ только то, что действительно отвечает главной и благородной задаче всей нашей спортивно-массовой работы — всестороннему воспитанию личности.

Горькими оказались плоды пальмы первенства не только в ленинградском «Спартаке», но и во многих других добровольно-спортивных обществах, где слепо копировали или вкривь и вкось толковали импортные модели каратэ, где формирование советской школы этого вида борьбы легкомысленно отдали на откуп коммерсантам от спорта, случайным и нечистоплотным людям.

...«Каратэ, как вы помните, означает в переводе «пустая рука». У спортсмена она должна быть прежде всего чистой рукой», — очень точно заметил в свое время на страницах популярного молодежного журнала кандидат технических наук Рудольф Каценбоген, страстный пропа-

гандист каратэ из Киева. Я позвонил коллегам-журналистам в Киев, попросил у них адрес специалиста-энтузиаста. Мне ответили: звони, дескать, через четыре годика, когда Каценбоген отсидит срок за частнопредпринимательскую деятельность на каратистской ниве.

Да, без всяких оговорок — на каратистской. Указом Президиума Верховного Совета РСФСР теперь предусмотрена ответственность за нарушение правил обучения приемам борьбы каратэ. В соответствии с законом правоохранные органы имеют право наказывать вплоть до лишения свободы тех, кто самовольно открывает самодеятельные секции и школы по каратэ, вовлекает в них случайных людей, превращает бесконтрольное обучение в средство наживы. Иными словами, рядится в соискатели «пустой руки» по трезвому расчету...

Евгений Вистунов

Об ответственности за вымогательство в сфере обслуживания и нарушение правил торговли

Постоянная и неуклонная забота о благе и интересах советских людей — неизменная линия политики Коммунистической партии Советского Союза, главное направление ее деятельности.

Осуществляя эту линию, КПСС и Советское государство уделяют исключительно большое внимание развитию и совершенствованию сферы услуг, советской торговли. Эти вопросы неоднократно рассматривались и решались в важнейших партийных и государственных актах. Например, 31 января 1977 года ЦК КПСС принял постановление «О работе Министерства бытового обслуживания РСФСР по улучшению качества выполнения заказов и повышению культуры обслуживания трудящихся», 14 января 1982 года ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли совместное постановление «О мерах по дальнейшему развитию торговли и улучшению торгового обслуживания населения в одиннадцатой пятилетке». Выполнение этих документов приносит положительные результаты, способствует улучшению работы предприятий сферы обслуживания, торговли.

Однако работа предприятий сферы обслуживания все еще не удовлетворяет предъявляемым требованиям, вызывает справедливые нарекания трудящихся.

В связи с этим, выполняя указания XXVI съезда КПСС о необходимости принять меры к ликвидации нарушений в торговле, покончить с дефицитом, иногда создаваемым искусственно, закрыть всеми организационными, финансовыми и юридическими средствами каналы получения нетрудовых доходов в сфере услуг, 21 сентября 1981 года Президиум Верховного Совета РСФСР принял Указ о дополнении Уголовного кодекса РСФСР статьями 156² и 156³, которыми предусмотрена ответственность за получение незаконного вознаграждения от граждан за выполнение работ, связанных с обслуживанием населения, и об ответ-

ственности за нарушение правил торговли: продажу товаров со складов, баз, из подсобных помещений торговых предприятий и за сокрытие товаров от покупателей*.

Этот Указ дополняет меры, которые предусмотрены законодательством для борьбы против тех нерадивых работников торговли и сферы услуг, которые, используя, а иногда и сознательно создавая трудности в работе предприятий, пытаются получать нетрудовые доходы.

Естественно, что этот Указ советские граждане встретили с одобрением. Нам же, работникам юстиции, необходимо правильно уяснить, толковать и применять этот закон.

По ст. 156³ УК РСФСР (за нарушение правил торговли) могут быть привлечены к ответственности как должностные, так и не должностные лица, а по ст. 156² УК РСФСР (за вымогательство незаконного вознаграждения) — только не должностные лица, ибо вымогательство вознаграждения со стороны должностного лица расценивается как взяточничество, что влечет ответственность по ст. 173 УК РСФСР.

Ответственность для работников сферы услуг за получение незаконного вознаграждения наступает только в том случае, если имело место вымогательство вознаграждения. Однако совсем не обязательно, чтобы работник сферы услуг прямо требовал вознаграждения. Вымогательство может быть и в завуалированном виде, когда вроде и не требуется плата, но гражданин поставлен в такие условия, при которых он вынужден уплатить вознаграждение. Например, когда по непонятным причинам долго не может сдать заказ или выполнение заказа откладывается на неопределенные сроки.

Но бывают случаи, когда ничто не угрожает законным интересам гражданина, а он сам, добровольно дает вознаграждение работнику сферы обслуживания, надеясь таким образом получить незаконные преимущества и льготы (например, выполнение заказа вне очереди и т. п.). Уголовной ответственности в этом случае не наступает, поскольку нет факта вымогательства. Однако такое поведение гражданина и работника, принявшего вознаграждение, не отвечает нравственным требованиям нашего общества и не освобождает работника сферы обслуживания от иной ответственности за нарушение порядка исполнения своих служебных обязанностей.

* Аналогичные Указы приняты Президиумами Верховных Советов и других союзных республик.

Существует неправильное представление, что вознаграждение — это обязательно получение корыстной выгоды в виде той или иной суммы денег. Закон и судебная практика понимают вознаграждение значительно шире. Это могут быть промышленные или продовольственные товары, билеты на культурно-зрелищные мероприятия, путевки в санатории, дома отдыха, туристические поездки и т. п.

Ст. 156³ УК предусматривает ответственность за два вида нарушения правил торговли: это продажа товаров из неустановленных мест и сокрытие товаров от покупателей.

Продажа товаров из неустановленных мест — это торговля со складов, баз, из подсобных помещений предприятий торговли и общественного питания. Причем к подсобным помещениям относятся все вспомогательные помещения: кабинеты администрации, гардеробы, коридоры, помещения для складирования и расфасовки товаров и т. д.

Продажа может иметь место только в торговом зале, в установленном соответствующими правилами порядке, на равных основаниях для всех граждан.

Ответственность за преступление наступает и тогда, когда работники предприятий торговли или общественного питания, в том числе и работники складов и баз, производят продажу товаров с автомашин и иных транспортных средств, не имея специального разрешения на это.

Наряду с продажей товаров в неустановленных местах закон признает преступлением и сокрытие товаров от покупателей. Ст. 21 Правил работы магазина устанавливает, что товары из складского помещения должны регулярно подаваться в торговый зал в полном ассортименте, имеющемся в магазине, и постоянно находиться в продаже. Всякая искусственная задержка товаров на складе рассматривается как нарушение закона. Если, получив товар в отдел, продавец держит его под прилавком и не пускает в продажу — это также является укрытием товара.

Закон устанавливает, что ответственность за названные действия наступает только тогда, когда они совершены из корыстной или иной личной заинтересованности. Под корыстной заинтересованностью в укрытии товаров может пониматься стремление искусственно регулировать выполнение плана с целью последующего получения премии или реализация товара за вознаграждение и т. п. Если будет установлено, что товар укрыт для того, чтобы получить вознаграждение посредством вымогательства, то ответственность наступит по ст. 156³ и ст. 156² УК РСФСР, а если будет установлено, что товар укрыт и впоследствии

продан по договоренности иным лицам для спекуляции, то ответственность наступит за оба эти преступления

Закон предусматривает и совершение преступления из-за иной личной заинтересованности, под которой понимается, в частности, желание получить взаимную услугу, нежелание портить отношения с начальством, обеспечить товаром родных, близких, знакомых. Ответственность за преступления, предусмотренные ст. 156³ УК РСФСР, несут как должностные лица: директора, их заместители, заведующие отделами, секциями и т. п., так и не должностные лица — работники предприятий торговли. Если указание дано руководителем, а исполнено продавцом или другим работником — не должностным лицом, то оба они отвечают по этой статье. Однако, если наряду с укрытием или продажей товара в неустановленном месте, в действиях должностного лица имеют место признаки должностного преступления (например, нанесен существенный вред), то должностное лицо будет отвечать по совокупности преступлений — по ст. 156³ и ст. 170 УК РСФСР (злоупотребление служебным положением).

Если должностное лицо за свои незаконные действия получило от заинтересованных лиц вознаграждение, то кроме наказания за нарушение правил торговли оно несет ответственность и за получение взятки.

Деньги и ценности, полученные в качестве незаконного вознаграждения за продажу товаров со склада, базы, из подсобных помещений, взыскиваются в доход государства, а если они не обнаружены, то взыскиваются с виновного, так же как и незаконно полученное вознаграждение за работы, связанные с обслуживанием населения. Если же будет установлено, что гражданин, уплативший вознаграждение, добросовестно заблуждался и полагал, что он платит за работу (услугу), не входящую в круг служебных обязанностей, или гражданин заявил в соответствующие органы еще до уплаты вознаграждения, которое у него вымогалось, то ценности и вещи возвращаются владельцу, либо, если они не будут обнаружены у виновного, взыскиваются с него в пользу потерпевшего.

За повторное совершение названных преступлений закон устанавливает повышенную ответственность.

В. И. Рохлин
Доцент Института усовершенствования
следственных работников
при Прокуратуре СССР,
старший советник юстиции

СОДЕРЖАНИЕ

Валерий Виноградов. КОМПЛЕКСНЫЙ ПОДХОД	3
Анатолий Белинский. ПРОСТОЕ НЕПРОСТОЕ ДЕЛО	10
Василий Носенков. ДОРОГОЙ КОРМ	24
Михаил Скрябин. ИСПОВЕДЬ	34
Евгений Вистунов. СЮРПРИЗЫ «ПУСТОЙ РУКИ»	41
Виктор Рохлин. Юридическая консультация	58

КОГДА НАСТУПАЕТ РАСПЛАТА

Составители

*Виктор Александрович Беляков,
Михаил Евгеньевич Скрябин*

Заведующий редакцией *Ю. К. Хрящев*
Редактор *И. Г. Турундаевская*
Младший редактор *И. В. Петрова*
Художник *А. В. Сергеев*
Художественный редактор *И. З. Семенцов*
Технический редактор *С. Б. Матвеева*
Корректор *В. Д. Чаленко*

ИБ № 2492

Сдано в набор 14.06.83. Подписано к печати 09.09.83. М-36246. Формат 84×108¹/₂.
Бумага тип. № 2. Гарн. литерат. Печать высокая. Усл. печ. л. 3,36. Усл. кр.-
отт. 3,78. Уч.-изд. л. 3,51. Тираж 200 000 экз. Заказ № 197. Цена 20 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени Лениздат, 191023, Ленинград, Фонтанка, 59.
Ордена Трудового Красного Знамени типография им. Володарского Лениздата,
191023, Ленинград, Фонтанка, 57,

5-00
Когда наступает расплата. / [Сост. В. А. Беляков,
К57 М. Е. Скрябин]. — Л.: Лениздат, 1983. — 62 с., ил. —
(Б-чка «На страже закона»).

В брошюре рассказывается о моральном падении людей, которые допускают различные злоупотребления, о неотвратимости наказания за любое, даже незначительное преступление.

К 1203000000—284
M171(03)—83 32—83

87.717.71

БИБЛИОТЕЧКА
НА СТРАЖЕ
ЗАКОНА

**КОГДА
НАСТУПАЕТ
РАСПЛАТА**

ВАЛЕРИЙ ВИНОГРАДОВ

КОМПЛЕКСНЫЙ ПОДХОД

АНАТОЛИЙ БЕЛИНСКИЙ

ПРОСТОЕ НЕПРОСТОЕ ДЕЛО

ВАСИЛИЙ НОСЕНКОВ

ДОРОГОЙ КОРМ

МИХАИЛ СКРЯБИН

ИСПОВЕДЬ

ЕВГЕНИЙ ВИСТУНОВ

СЮРПРИЗЫ «ПУСТОЙ РУКИ»

ЮРИДИЧЕСКАЯ
КОНСУЛЬТАЦИЯ

ЛЕНИЗДАТ 1983

20 коп.